

И. М. РАГИМОВ

ТЕОРИЯ
СУДЕБНОГО
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

И. М. РАГИМОВ

ТЕОРИЯ
СУДЕБНОГО
ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Баку • 1987

34С6
Р 14

Рецензент
кандидат юридических наук
Касумов Ч. С.

Рагимов И. М.

Р14 Теория судебного прогнозирования. —
Б.: Азернешр, 1987. — 127 с.

Автор, кандидат юридических наук И. М. Рагимов, на основе исследований доказывает, что путем прогнозирования с использованием статистики и математики можно добиться усовершенствования судебной деятельности. В книге рассмотрены проблемы создания и развития теоретической и методологической основ индивидуального судебного прогнозирования.

Рассчитана на работников судебно-прокурорских органов, адвокатов, юрисконсультов и научных работников.

Р $\frac{1203150000-96}{М-651-87}$ 88-87

34С6

© Азернешр, 1987

ВВЕДЕНИЕ

XXVII съезд партии, ноябрьское (1986 г.) постановление ЦК КПСС «О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны и законных интересов граждан» ориентируют правоохранительные органы на необходимость повсеместного укрепления социалистической законности и правопорядка, усиления борьбы с преступлениями и другими антиобщественными явлениями. Осуществление этих указаний предполагает в числе других мер привлечение юристов-теоретиков и практиков для выработки научных рекомендаций с целью совершенствования деятельности судебных органов в осуществлении правосудия.

Судебная деятельность по назначению наказания оказывает существенное влияние не только на состояние преступности, но и на общественную жизнь в целом.

Поэтому повышение эффективности осуществления правосудия по уголовным делам в соответствии с наиболее актуальными общественными потребностями приобретает важное социальное значение. В настоящее время определение вида и размера конкретного наказания лишено прочных основ и в этом плане «Судья сейчас практически ничем не руководствуется, когда он назначает наказание, если

не считать житейского опыта»¹. Тем не менее уже в современных условиях можно добиться того, чтобы содержащийся в приговоре суда вывод о наказании в максимальной степени был приближен к реальной действительности. А этого можно, как нам кажется, добиться путем судебного прогнозирования.

Практическая роль такого прогнозирования состоит в том, что оно необходимо для успешной реализации уголовного наказания, дает возможность подготовиться к будущим результатам этого наказания, влиять на них, целенаправленно формировать, изменять и развивать нужные нам процессы.

Основная цель судебного прогнозирования состоит в выявлении явлений, процессов, будущее которых суду неизвестно (или малоизвестно), но знание которых имеет важное значение для решений, принимаемых в настоящем.

Судебное прогнозирование при назначении наказания может иметь исключительно важное значение для развития теории права и практики в целом. В то же время его применение в судебной деятельности позволит постепенно совершенствовать и развивать эту проблему. Таким образом, без всякого сомнения, проблема прогнозирования судебной деятельности при назначении наказания — проблема перспективная. С одной стороны, это проблема будущего, а с другой — настоящего.

¹ Кудряцев В. Н. О наиболее важных исследованиях в области уголовного права. — В кн.: Проблемы советского уголовного права. Материалы обсуждения теоретических вопросов советского уголовного права и Комментария УК РСФСР 1971 г. М., 1973, с. 18.

I

ВОЗМОЖНОСТЬ И ПРАКТИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ СУДЕБНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Под судебной деятельностью по назначению наказания следует понимать процесс подготовки и принятия решения о применении к виновному в совершении преступления уголовно-правовой санкции¹.

Судебная деятельность по назначению наказания оказывает существенное влияние не только на состояние преступности, но и непосредственно или опосредованно на общественную жизнь в целом. Поэтому обеспечение функционирования правосудия по уголовным делам в соответствии с наиболее актуальными общественными потребностями приобретает важное социальное значение.

В литературе справедливо отмечается, что «выявление складывающихся в области судебной деятельности проблемных ситуаций — одно из важнейших условий плодотворности научного поиска»².

Все стадии судебной деятельности являются

¹ Очень часто на практике и в теории уголовного права употребляется термин — «судебная деятельность по применению уголовно-правовых санкций». Учитывая, что в современных условиях назначение наказания является доминирующим видом применения уголовно-правовых санкций, эти термины могут быть употреблены как однозначные.

² Комплексное изучение системы воздействия на преступность. Л., 1978, с. 75.

важными и необходимыми предпосылками успешного и справедливого решения уголовного дела, но особая роль принадлежит стадии вынесения приговора.

Вопросы о назначении наказания являются частью общей проблемы взаимоотношения общества и личности, поэтому принципы рассматриваемого уголовно-правового института в конечном счете производны от тех общих начал, на которых строятся отношения между обществом и личностью в условиях социализма¹.

От того, насколько справедливым и обоснованным является назначаемое судом наказание, во многом зависит успех в достижении тех целей, которые уголовный закон ставит перед этим институтом, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами².

✓ Как известно, сейчас судебные органы при назначении наказания, руководствуясь социалистическим правосознанием, учитывают характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность. Практика судебной деятельности показывает, что этих общих законодательных начал недостаточно для максимально-целесообразного выбора вида и размера

наказания. Поэтому ни в какой другой области судебной деятельности не допускается столько судебных ошибок, сколько при решении вопросов, связанных с назначением наказания.

На это было указано в одной из редакционных статей Бюллетеня Верховного Суда СССР: «Судья по уголовным делам постоянно сталкивается на практике с многочисленными вопросами назначения наказания. Указание закона и рекомендации вышестоящих судебных инстанций относительно того, что мера наказания должна быть назначена в пределах санкции с учетом тяжести преступления и личности виновного, не дают ему конкретного ответа на вопрос, следует ли назначить данному подсудимому полтора или два года лишения свободы, а может быть год исправительных работ. Этот вопрос решается каждый раз с учетом многочисленных и разнообразных факторов, в настоящее время изучаемых психологией, социологией, исправительно-трудовой педагогикой и другими дисциплинами. Конечно, можно положиться на собственный опыт, на сложившуюся практику. Но было бы куда более эффективно, если бы судья знал хотя бы основные положения теории по этим вопросам»¹. «Вместе с тем определить необходимую меру наказания на практике далеко не просто, — пишет Г. П. Новоселов, — тем более что многие вопросы, связанные с этой проблемой, не разрешены законодательно и не освещены в научно-теоретической литературе»².

¹ См.: *Осипов П. П.* Значение ленинских идей для разработки и применения принципов назначения наказания. — В сб.: *Ленинские идеи в науке уголовного права.* Изд-во ЛГУ, 1973, с. 31.

² См.: *Гаверов Г. С.* Общие начала назначения наказания по советскому уголовному праву. Иркутск, 1976, с. 3.

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 1. С. 5.
² *Новоселов Г. П.* О необходимости разработки проблемы критериев определения меры наказания. — В кн.:

М. И. Ковалев совершенно справедливо замечает: «Откройте любую книгу, посвященную преступлениям. В ней вы можете найти ответ на самый каверзный вопрос относительно квалификации отдельных случаев преступного поведения, но вы, наверняка, не найдете аргументированной консультации по поводу назначения наказания за них. Практически ни в одном таком пособии нет четких, конкретных, недвусмысленных рекомендаций о том, какой мере наказания следует подвергать в подобных случаях за содеянное. Приходится констатировать, что до самого последнего времени теория уголовного права изучает проблему индивидуализации наказания в общем плане, следуя в этом за ст. 32 Основ, которую трудно назвать конкретной и определенной»¹.

Такое положение объясняется в определенной мере субъективным фактором — недостаточным уровнем правосознания отдельных судей, а также (что более существенно) объективными обстоятельствами, суть которых состоит в том, что, в о п е р в ы х, общественная опасность совершенного преступления и личность виновного, составляющие фундамент индивидуализации наказания, в настоящее время судьями не подвергаются измерению, в о в т о р ы х, определяя вид и размер назначенного наказания, суд во время вынесения приговора не знает: будут достигнуты цели наказания или нет, ибо судебное решение о возможности

достижения этих целей предназначено для будущего. А это приводит к тому, что для эмпирической интерпретации предписаний ст. 32 Основ Уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (общие начала назначения наказания) каждый судья в каждом конкретном случае ищет ответы на следующие вопросы:

а) насколько правильно сформировалось его внутреннее убеждение в отношении данного конкретного дела?

б) что следует понимать под характером и степенью общественной опасности конкретного преступного деяния?

в) какие критерии должны быть применены для практического определения характера и степени общественной опасности совершенного деяния, т. е. как и с помощью какого инструмента измерить общественную опасность конкретного преступления?

г) какие показатели необходимо использовать суду при учете личности виновного?

д) каким образом познать будущие результаты своего решения?

Отсутствие теоретически правильных и практически проверенных ответов на эти и многие другие вопросы приводит в конечном счете к тому, что наши суды допускают еще немало ошибок. Это значит, что система гарантий эффективности правосудия еще недостаточно надежна и ее необходимо совершенствовать. Повышение качества судебных решений и эффективности судебной деятельности по назначению наказания должно осуществляться в нескольких направлениях. Главные из них, как нам кажется, — 1) умение судьи правильно поль-

Вопросы повышения эффективности уголовного законодательства в современных условиях. Свердловск, 1979, с. 96.

¹ См.: Ковалев М. И. Советское уголовное право. Курс лекций. Свердловск, 1974, с. 86—87.

зоваться основными принципами назначения наказания, указанными в ст. 32 Основ и 2) внедрение в судебную практику индивидуального прогнозирования.

Задача сегодняшнего дня заключается в том, чтобы дать в руки судебных органов вспомогательный инструмент, который мог бы облегчить им принятие обоснованного решения и избежать, по крайней мере, грубых ошибок при назначении наказания.

Судебная деятельность по назначению наказания носит сознательный характер и осуществляется в определенных условиях. К ним относятся те, не зависящие от воли и сознания судей, обстоятельства (факторы), под детерминирующим воздействием которых происходит процесс подготовки, принятия и реализации судебного приговора. Сознательный характер судебной деятельности придается субъективным факторам, в рамках которых наиболее важную роль призвано выполнять судейское правосознание, перерабатывающее входящую и в значительной мере предопределяющее выходящую информацию. Поэтому, несколько упрощая ситуацию, субъективный фактор можно свести к судебному правосознанию¹.

Как правильно отмечается в юридической литературе, в условиях социалистического общества многосторонность юридической практики определяет специфические условия для формирования правосознания и обуславливает специфику правосознания следователей, про-

куроров, судей, адвокатов, работников уголовного розыска, арбитров и т. д. Каждая юридическая профессия вносит специфику в правосознание ее представителей, выступает основой для формирования особого вида правосознания, характерного для представителей тех или иных юридических работников¹.

Профессиональное сознание юристов отличается от правосознания других граждан не столько элементами структуры, сколько их содержанием, глубиной, качеством и направлением связей между ними. По сравнению с правосознанием других социальных групп, профессионально-юридическое сознание обладает прежде всего высокоразвитым когнитивным компонентом.

Знания юристов в области права значительно полнее и детальнее, чем у других граждан, и достигают высокого экспертного уровня².

Некоторые авторы правильно отмечают, что влияние профессионального разделения труда на уровень правосознания юристов особенно наглядно проявляется в уровне знания их, в зависимости от специализации, тех или иных отраслей законодательства, профессиональных навыков, отношения к представителям других юридических профессий³.

¹ См.: Назаренко Е. В. Социалистическое правосознание и советское правотворчество. Киев, 1968, с. 124; Соколов Н. Я. Правосознание юристов: понятие, сущность и содержание. — Советское государство и право. 1983. № 10. С. 20.

² См.: Соколов Н. Я. Указ. раб., с. 25.

³ См.: Ратинов А. Р. Структура и функции правового сознания. — В сб.: Проблемы социологии права. Вып. 1.

¹ См.: Комплексное изучение системы воздействия на преступность, с. 66.

Тем не менее нельзя забывать, что «правовое сознание юристов можно определить как одну из коллективных форм правового сознания общества, выступающего в виде системы правовых взглядов, знаний, чувств, ценностных ориентаций и других структурных образований правового сознания общности людей, профессионально занимающихся юридической деятельностью, которая требует специальной образовательной или практической подготовки»¹.

Для профессионального сознания советских юристов в целом характерны профессиональная компетентность, справедливость, политическая зрелость, неуклонное следование принципу социалистической законности, гражданское мужество, ответственность, чувство высокого профессионального долга перед государством и гражданином².

Внутри правового сознания юристов можно выделить правосознание судей, имеющее свои особенности.

Важная роль профессионального правосознания судей подчеркивается самим законодателем, обязывающим их руководствоваться в своей деятельности требованиями закона и социалистическим правосознанием (см. ст. 32 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. 17 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и др.).

Основным элементом правосознания судей

Вильнюс, 1970, с. 185—186; Грашевой Ю. М. Проблемы формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975, с. 60.

¹ Соколов Н. Я. Указ. раб., с. 20.

² См.: там же, с. 21.

является сознание необходимости полного, всестороннего исследования, изучения и оценки материалов дела и личности подсудимого, обязанности назначить справедливое наказание от имени общества, а также сознание своей ответственности.

Правосознание судьи имеет особенно большое значение как фактор, действующий в мыслительном процессе, составляющем основу принятия решения при назначении наказания.

Существенным элементом мыслительной деятельности судьи является осознание цели, целеустремленности. В этих рамках в мыслительном процессе по конкретному делу деятельность, связанная с назначением наказания (выбором вида и размера наказания), направляется правосознанием. При определении вида и размера наказания на правосознание судьи оказывают существенное влияние и другие факторы, в частности политические, экономические, нравственные отношения и т. д.

Одним из слагающих моментов правосознания судьи является также сознание им своей независимости.

Анализ ст. 32 Основ позволяет утверждать, что новое законодательство «существенно расширяет компетенцию суда и почти не формирует основания судейского усмотрения»¹, что настоятельно требует повышения теоретического уровня судейского правосознания, внедрения в него целостных (системных) и достаточно конкретных (формализованных) пред-

¹ Злобин Г. А., Келина С. Г., Яковлев А. М. Советская уголовная политика: дифференциация ответственности. — Советское государство и право. 1977. № 9. С. 60.

ставлений о совокупности социальных требований и объективных факторов, подлежащих учету при назначении наказания.

Практика судебной деятельности показывает, что неправильное избрание вида и размера наказания в определенной мере обусловлено дефектами судейского правосознания, прежде всего его сугубо или преимущественно профессионально-целевой ориентацией. Каждый судья, рассматривая то или иное дело и решая, например, вопрос о мере наказания, несомненно, должен руководствоваться требованиями закона, не допуская каких-либо произвольных отступлений от него.

При этом, учитывая своеобразие судейской работы, законодатель рассчитывает на правосознание судьи, т. е. на то, как оценивает и относится судья к данному преступлению, его общее и правовое мировоззрение, подсказывающее судье правильное понимание общественно-политического и экономического значения преступления, личности виновного, целей уголовного наказания. Поэтому при вынесении приговора судья выступает не столько в качестве юриста, знатока правовых норм, сколько в качестве политического деятеля, руководствующегося всей системой своего мировоззрения и прежде всего идеологическими и политическими взглядами и убеждениями. Социалистическое правосознание, представляющее собой часть общего социалистического мировоззрения, основу основ которого составляет исторический и диалектический материализм, обеспечивает советскому судье возможность более гибко, свободно, мудро ориентироваться и в сложных обстоятельствах природы уголов-

ного преступления, и в выборе правильного в каждом конкретном случае вида и размера наказания. Итак, в известных условиях социалистическое правосознание оказывается мощным средством правильного подхода к познанию (знанию) и оценке судьями определенных фактов в их правовом и нравственном содержании.

Объективируясь в судебном решении, правосознание судьи выступает как вид общественного правосознания.

«...Правосознание судьи является относительно самостоятельной частью правосознания как общественной формы сознания», — отмечает Андраш Тамаш¹. Социалистическое правосознание играет важнейшую роль в формировании внутреннего судебного убеждения, являющегося результатом, итогом работы судьи по исследованию дела. Оно определяет содержание судебного приговора.

В связи с этим возникает вопрос: «Что из себя представляет «внутреннее убеждение» судьи?»

Внутреннее убеждение означает такое состояние психики, сознания, пребывая в котором, судья считает назначаемое наказание самым справедливым, индивидуальным, не вызывающим сомнений.

Внутреннее убеждение не может быть инстинктивным, стихийным, произвольным, основывающимся на чисто субъективных побуждениях.

Внутреннее убеждение, как состояние сознания, есть не просто деятельность, выражаю-

¹ Андраш Тамаш. Судья и общество. М., 1980, с. 119

щаяся в ощущении и оценке, оно возникает не в результате сиюминутных впечатлений. Безусловно, наряду с необходимыми предпосылками, элементами формирования рационального внутреннего убеждения служат умственная деятельность, выражающаяся в размышлении, сопоставлении, взвешивании отдельных доказательств, и всесторонняя самокритика модели возможного решения, после этого — проверка правильности всех выводов и, наконец, установление логических, причинно-следственных связей между данными, которые легли в основу решения¹.

Личностные качества судьи, участвующего в назначении наказания, вместе с непосредственными социальными воздействиями обуславливаются многочисленными биологическими, физиологическими, особенно нейрофизиологическими, и тому подобными фактами, а также вызываемыми ими различными психическими явлениями.

Предпосылка рациональности внутреннего судейского убеждения состоит в том, что судья, подходя к «проекту» вида и размера наказания, сформированному мысленно, как к созданной в сознании модели, осуществляет на этой основе самоконтроль. Наиболее важный элемент самоконтроля — *сомнение*.

Каждый судья, избирая вид и размер наказания, опирается на свои нравственные, политические, идеологические принципы. При этом необходимо отметить, что чрезвычайно важную роль в справедливом и целесообразном назна-

чении наказания играет система философских, политических, правовых взглядов судьи. Таким образом, внутреннее убеждение и правосознание судьи, как и всякого человека, неразрывно связаны между собой. Первое, опирающееся на второе, является ведущим принципом, определяющим собой направление советской судебной политики.

Требование о том, чтобы судебные решения основывались на «личном убеждении» судей, причинах свободной оценки доказательств, провозглашено во Франции законом от 16 сентября 1791 года. В то же время, несмотря на то, что в рамках закона судейское убеждение свободно, но в то же время оно не может быть произвольным. Некоторое единообразие условий позволяет судье в какой-то мере преодолеть субъективизм своих оценочных суждений. И ориентиром может служить оценка назначенного наказания и отношение к нему общественного мнения. Одной из причин различного подхода суда и общественности является и то обстоятельство, что общественное мнение иногда вообще не учитывает, иногда же учитывает лишь весьма поверхностно (что часто объясняется недостаточной информированностью) непосредственную цель наказания — исправить и перевоспитать осужденного, а также удерживать других членов общества от правонарушений.

В связи с чем совершенно справедливо возникает вопрос: каким образом формируется внутреннее убеждение судьи? Этот вопрос имеет немаловажное значение как в теоретическом, так и в практическом плане. Может сложиться мнение, согласно которому внутреннее

¹ См.: Лайош Надь. Приговор в уголовном процессе. М., 1982, с. 92.

убеждение судьи формируется в значительной степени стихийно и безотчетно, помимо воли человека и без всякой с его стороны проверки действия законов мышления, в результате известного душевного состояния.

Внутреннее судебское убеждение при назначении наказания складывается на основе анализа степени и характера общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, обстоятельств смягчающих и отягчающих. Но судебское убеждение — это не только обстоятельный анализ этих признаков, но и способность правильно оценить их значение, с учетом и в соответствии с интересами нашего общества, то, как судья понимает цели наказания по советскому уголовному законодательству и задачи уголовной политики.

В данном случае речь идет не только о целях вообще, а о том, как в каждом конкретном случае судья реализует свои взгляды на эти цели, как он решает проблемы их соотношения.

В процессе формирования судебного убеждения, безусловно, участвуют и правовые чувства, и эмоции, так называемый, психологический срез правосознания, но в структуре специализированного правосознания эти компоненты должны играть второстепенную роль¹.

Судья, так же как и любой другой человек, воспринимает окружающий внешний мир, в зависимости от своих переживаний, влияющих и действующих на его волю. В конечном итоге они определяют принимаемые им решения, определяют содержание его убеждений. В ре-

зультате фактически судебный приговор — это документ, образованный в результате формирования тех внутренних убеждений, которые могут и не совпадать. Закон учитывает и это.

Итак, справедливость, целесообразность назначения во многом зависит от внутреннего убеждения судьи. А что собой будет представлять это убеждение, как оно будет складываться, как конкретно оно будет находить свое выражение в приговоре, — это в решающей степени зависит от личного состава судей, от их партийного подхода, от того, какова их общая, политическая, правовая и идеологическая подготовка. Вот почему многие дефекты судебной деятельности по назначению наказания (избрание вида и размера наказания) зависят от подбора и подготовки судебных работников (профессиональных судей) и народных заседателей.

Как известно, общественная опасность совершенного преступления оказывает существенное влияние на размер и вид наказания. А это значит, что должна существовать определенная зависимость между характером и степенью общественной опасности преступления, с одной стороны, наказанием — с другой. Но любая зависимость должна иметь свои специфические единицы счета. Там, где нет единицы счета, там нет и учета, нет меры, а следовательно там, властвует примитивный, бездоказательный и безответственный глазомер. Во всяком деле, также и в судебном, умение точно взвесить и измерить детали есть залог и гарантия возможности правильно решить дело. Например, врач прописывает сильнодействующие лекарства, указывает в рецепте дозу,

¹ См.: Комплексное изучение системы воздействия на преступность, с. 91.

необходимую для больного. Если бы он вместо этого рекомендовал бы: «принимать понемногу», то это привело бы к печальным последствиям. Это в полной мере относится и к судебной деятельности по назначению наказания. Характер и степень общественной опасности совершенного преступления обязательно должны подлежать отражению, измерению и оценке через призму научно обоснованных представлений о целях и принципах назначения наказания. Конечно, мы не можем получить абсолютно точных математических данных о сравнительной тяжести различных преступлений и о требуемом соотношении между соответствующим преступлением и определенным видом, а также размером наказания за него. Но столь же очевидно и другое — в общей форме такие оценки и соизмерения производятся и в Уголовном законодательстве и в судебной практике, хотя далеко не всегда безупречно¹. Поэтому мы не можем согласиться с теми авторами, считающими обеспечение соразмерности между преступлением и наказанием «бессодержательной абстракцией», «схоластическими упражнениями». Исходя из этих посылок, вообще отрицается возможность как соизмерения характера и степени общественной опасности неоднородных преступлений, так и сравнительной оценки преступления и наказания. В результате формулируется вывод, что справедливое наказание — это наказание целесообразное и ни в чем другом справедли-

¹ См.: *Осинов П. П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций (аксиологические аспекты). Л., 1976, с. 118.

вость выражаться не может¹. Одна из первых попыток советских юристов разработать методику соизмерения тяжести преступления (характера и степени общественной опасности) с уголовным наказанием была предпринята В. Нажимовым. Сущность его позиции, если ее максимально упростить, сводится к следующему. Законодательная санкция делится на четыре ступени, начиная с уголовного осуждения и назначения наказания ниже низшего предела и кончая верхним пределом наказания в виде лишения свободы, причем срок лишения свободы «от» и «до» делится на три части. При определении наказания «следует считать исходной 3-ю ступень наказания, соответствующую условному случаю полного отсутствия обстоятельств как смягчающих, так и отягчающих ответственность»². Некоторые авторы стремятся создать классификацию одновидовых преступлений по характеру и степени их конкретной общественной опасности. При этом наметились три основных подхода: одни авторы в качестве критерия для оценки правильности учета судом характера и степени общественной опасности преступления предложили использовать законодательную санкцию³, дру-

¹ См.: Например, *Ременсон А. Л.* Индивидуализация наказания и уголовный закон. — Ученые записки Томского государственного университета. 1957. № 33. С. 100.

² *Нажимов В. П.* Справедливость наказания — важнейшее условие его эффективности. В кн.: Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР. Калининград, 1973, с. 3—11.

³ См.: *Хан-Магомедов Д. О.* Санкции уголовно-правовых норм и практика применения наказаний. — Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 25. М., 1976.

гие — экспертные оценки¹, третьи — социальное содержание совершенных преступлений². Но к настоящему времени мы не располагаем завершенной концепцией по рассматриваемой проблеме. Процедура измерения существенно зависит от свойств соизмеренного объекта. В силу разнохарактерности преступлений и нетождественности признаков, определяющих их общественную опасность, создание универсальной методики измерения последней, как правильно отмечают некоторые авторы, вряд ли возможно³. Поэтому возможность эмпирического измерения общественной опасности представляется целесообразной в отношении каждого конкретного состава преступления.

При этом в качестве критериев общественной опасности могут выступать ее характер и степень, отражающие качественную и количественную стороны, которые свое суммарное выражение получают в мере общественной опасности. Нельзя, однако, представить себе дело так (как это делают некоторые авторы)⁴, что характер общественной опасности — качественный критерий, а степень — количественный. Правильнее, очевидно, исходить из того, что характер и степень общественной опасности не могут быть подвергнуты измерению изолированно друг от друга. Вот почему не-

¹ См.: Блувштейн Ю. Д. Об оценке степени общественной опасности преступлений. — Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 15. М., 1972.

² См.: Сахаров А. Б. О классификации преступлений. — Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 17. М., 1972.

³ См.: Комплексное изучение системы воздействия на преступность, с. 104—105.

⁴ См.: там же, с. 37.

верно полагать, что степень общественной опасности — это то, что может быть измерено и выражено математически, в то время как характер определяется показателями (вооруженность — невооруженность, организованность — неорганизованность, предусмотрительность — непредусмотрительность и т. д.), не поддающимися количественному измерению¹. Оба эти критерия могут быть измерены как в количественном, так и в качественном плане, но только в совокупности. Поэтому основная задача теории судебной деятельности в настоящее время заключается в разработке теоретически правильных и практически реализуемых показателей, с помощью которых судьи могут определить общественную опасность преступления в целях максимальной индивидуализации наказания.

Тут, конечно, без математики не обойтись. Только с помощью этой науки можно решить данную проблему.

Оценка общественной опасности преступления и учет при назначении наказания должны ориентироваться только на свойства преступления и не могут основываться на личностных свойствах виновного. Его личность — самостоятельное основание для выбора вида и определения размера наказания. К. К. Платонов в связи с этим замечает: «Беда, по-моему, заключается в том, что мы еще не научились подходить к наказанию сугубо индивидуально, с учетом особенностей каждой личности»².

¹ См.: Комплексное изучение системы воздействия на преступность, с. 97.

² Платонов К. К. Изучить личность преступника. — Литературная газета. 1968. 18 сентября. С. 13.

Поэтому судьи при назначении наказания рядом с критерием «за что» должны поставить критерий «в отношении кого».

Ст. 32 Основ требует от суда учитывать при назначении наказания личность виновного. Но ведь понятие «личность виновного» — это понятие растяжимое, которое включает в себя огромное количество признаков. Поэтому судьи обычно затрудняются в том, что именно в той или иной личности виновного необходимо учитывать при назначении наказания. П. П. Осипов полагает, что «при назначении наказания личность виновного нас должна интересовать как в ценностном, общесоциальном, так и в профессионально-целевом, ведомственном аспекте»¹. В другой работе П. П. Осипов свою позицию более конкретизирует: «В свете комплексного подхода подсудимый в процессе назначения наказания должен одновременно оцениваться, как: а) носитель общественной опасности, б) носитель социальной ретроспективной ценности»². Отсюда следует, что если судьи будут придерживаться этой позиции, то они при учете личности виновного должны оценивать наряду с общественной опасностью личности виновного и ту особенность, какую она представляет для самого общества, как ее член в многообразии своих социальных функций. Этой особенностью является общественная полезность личности, о которой можно

судить исходя из ее перспективной и прошлой ценности.

В целом с таким подходом к решению данного вопроса можно согласиться. Естественно, судебные органы в силу объективных причин не в состоянии каждый раз проводить скрупулезное исследование личности виновного. Поэтому судам всегда надо помнить, что речь идет не обо всех психологических, социологических и иных особенностях личности, а только о наиболее значимых с точки зрения целей и принципов уголовного наказания.

Советский закон предоставляет суду большие возможности в выборе вида и размера наказания, но в то же время требует, чтобы каждое назначенное им наказание было максимально рациональным, ограниченным рамками необходимости, т. е. целесообразным. Можно умело расследовать дело, хорошо с точки зрения профессионального мастерства и культуры провести судебный процесс, а затем неправильным, несправедливым назначением наказания свести на нет всю эту работу. З. Астемиров и Ю. Байбаков правильно отмечают, что «приговором подводится итог всей предшествующей работе по воспитательному влиянию на правонарушителя, оказанному в ходе расследования и разбирательства дела, а также намечается на будущее процесс его исправления и перевоспитания»¹.

Ввиду того, что суд оказывает на судьбу лица, совершившего преступление, такое влия-

¹ Осипов П. П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций, с. 126.

² Комплексное изучение системы воздействия на преступность, с. 114.

¹ Астемиров З., Байбаков Ю. Мотивировка в приговоре меры наказания в отношении несовершеннолетних. — Советская юстиция. 1970. № 11. С. 16.

ние, какое никогда и никто за всю его жизнь не оказывал, общество требует от него предвидеть: какое необходимо оказывать воспитательное воздействие на то или иное лицо и какое действительно воздействие окажет приговор на осужденного в течение того времени, к которому он его осудил.

Следовательно, определяя вид и размер назначенного наказания, суд тем самым обязан дать не только конкретную оценку степени общественной опасности преступления и личности преступника, но должен сделать конкретный вывод о том, что определенного им видом и размером наказания объема исправительно-трудового воздействия будет достаточно для достижения целей исправления и перевоспитания данного осужденного, общего и социального предупреждения. Это означает, что судебное решение о наказании предназначено для будущего и поэтому его необходимо рассматривать, в о-п е р в ы х, как предписание поместить осужденного в такие условия, в рамках которых определенное судом исправительно-трудовое воздействие будет целесообразным и достаточным для достижения основной цели наказания — исправление и перевоспитание, в о-в т о р ы х, как средство для удержания как самого осужденного, так и других лиц от совершения преступления. В этих двух моментах и заключается прогностический аспект назначения наказания. Поэтому назначенное наказание есть вероятностное логическое суждение, т. е. прогнозирование.

Лайош Надь пишет: «Назначенное наказание — это прогноз, силлогизм, выведенный из существующих в данное время причин в отно-

шении последствий, которые должны наступить в будущем, предвидение того, что назначенное в настоящем наказание в будущем приведет к осуществлению его цели, а именно — обеспечит исправление осужденного и предостережет членов общества от совершения преступления»¹.

Прогностическая сущность наказания состоит в том, что основной его целью является не покарать преступника, а исправить и перевоспитать, а также удержать его и остальных членов общества от совершения преступлений. Такой вывод основывается на том, что все цели наказания — исправление и перевоспитание осужденного, специальное предупреждение направлены на будущее².

Поэтому при решении вопроса о назначении наказания, т. е. при выборе вида и размера наказания, суд исходит прежде всего из того, что наказание содержит не то, что есть, а то, что должно быть.

Лайош Надь совершенно правильно подчеркивает: «Хотя наказание назначается на основе фактов, соответствующих действительности, с соблюдением требований закона и справедливости, оно является лишь выводом о будущем, прогнозом, сделанным с большей или меньшей точностью и в конечном счете имеющим вероятностный характер. Вывод здесь осуществляется путем движения от причин (факторов личности, среды и т. д., вызвавших

¹ Лайош Надь. Приговор в уголовном процессе. М., 1982, с. 120.

² Вопрос о каре, как цели наказания, является спорным.

преступное деяние) к следствию (эффективности примененной санкции)»¹.

Элементы вероятности при назначении наказания не имеют особого значения с точки зрения карательного воздействия на преступника, так как в данном случае суд дает оценку уже прошедшему факту: совершению преступления. В то же время вероятностный элемент играет значительную роль с точки зрения достижения целей частного и общего предупреждения. Таким образом, наказание, назначенное за прошлое, одновременно предостерегает от совершения преступления в будущем как самим осужденным, так и другими лицами. Вот почему необходимо суду устанавливать вид и размер наказания, принимая во внимание оба эти аспекта.

Сколь бы ни был обширен информационный материал, на основании которого суд принимает окончательное решение относительно наказания, все же такая важная роль, вследствие прогностического характера этой проблемы, принадлежит вероятностным элементам при определении эффективности уголовного наказания. Потому вероятность есть элемент, присутствующий в назначенном наказании.

Отмеченное значение вероятностных элементов может быть пока лишь ограничено, но не исключено полностью.

Итак, в виде и размере назначенного наказания за то или иное преступление выражается оценка судом тяжести преступления, его общественной опасности и личности осужденного (учет судом данных, характеризующих

преступление и личность преступника в прошлом и настоящем), и способностью судебного решения достигать всех целей уголовного наказания (учет судом информации относительно будущих результатов наказания). Но суд, определяя конкретное наказание, его вид и размер, на основании ст. 32 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (общие начала назначения наказания) может учитывать только характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность, во время вынесения приговора. Что касается условий, в которых во время отбывания наказания будет находиться осужденный и которые, естественно, будут влиять на эффективность исправительно-трудового воздействия, то они при вынесении приговора практически не учитываются. Суд также не представляет себе, какими мотивами подсудимый будет руководствоваться в местах лишения свободы в течение, например, пяти или семи лет. Следовательно, будет достигнута цель исправления и перевоспитания или нет, суду во время вынесения приговора неизвестно, ибо отсутствует соответствующая информация относительно будущего поведения подсудимого при тех или иных условиях. Неизвестен и результат общего предупреждения. Таким образом получается, что суд при назначении наказания не располагает никакой информацией относительно будущих результатов принятого решения. Поэтому суд, используя только прошлую и настоящую информацию о преступлении и подсудимом, ограничивается в своей деятельности

¹ Лайош Надь. Указ. раб., с. 129.

только «простым» назначением наказаний, учитывающим лишь «чисто» юридические требования, указанные в ст. 32 Основ. Однако практика показывает, что этих общих законодательных начал недостаточно для максимально-целесообразного выбора вида и размера наказания. Для того, чтобы вид и размер конкретного наказания, назначенного судом, были максимально действенными для достижения всех целей наказания, необходимо, по крайней мере, обеспечить суд достаточно обоснованной, достоверной и подлинной информацией относительно: а) мотивов будущего поведения осужденного в процессе реализации наказания и после него; б) степени удерживающего воздействия наказания на граждан. Само собой разумеется, что суд никогда и ни при каких условиях не может получить точный и конкретный ответ на эти вопросы. Тем не менее уже в современных условиях можно добиться того, чтобы содержащийся в приговоре суда вывод о наказании в максимальной степени был приближен к реальной действительности. А этого можно, как нам кажется, добиться путем прогнозирования результатов уголовного наказания.

Все вышензложенное позволяет утверждать, что практическая необходимость прогнозирования результатов очевидна. Теперь вопрос в другом: возможно ли такое прогнозирование?

В. Г. Виноградов пишет: «Предвидение того, что только возможно возникнет, — самый важный и самый трудный вид предвидения»¹.

¹ Виноградов В. Г. Научное предвидение. М., 1973, с. 11.

Являясь одной из задач любой науки, прогноз необходим и возможен как в социальных, так и в естественных науках, ибо любая наука имеет описательную, объяснительную и предсказательную функцию¹. Б. С. Грязнов совершенно правильно отмечает, что «в конечном итоге задача любой науки заключается в том, чтобы уметь предсказать поведение изучаемой системы, будь то машина, живой организм, человек или же общество в целом»². Отрицание возможности прогнозирования, по существу, ведет к отрицанию существующих связей между прошлым, настоящим и будущим³.

Для прогноза характерно и то, что в нем содержится обоснованная оценка будущего развития прогнозируемого объекта, его потребностей и возможностей их удовлетворения, предвидение характера действия этого объекта и ожидаемых последствий такого действия на каждом из этапов прогностического периода⁴. При этом необходимо помнить, что мы предвидим будущее не для того, чтобы от него «освободиться», а для того, чтобы в познannую нами цепь причин и следствий включиться собственным деянием и таким образом повлиять на дальнейший ход событий⁵. В этом

¹ См.: Шаргородский М. Д. Прогноз и правовая наука. — Правоведение. 1971. № 1. С. 40.

² Грязнов Б. С. Некоторые идеологические аспекты кибернетики. — В кн.: Кибернетика, мышление, жизнь. М., 1964, с. 104.

³ См.: Право и социология. Под ред. Ю. А. Тихомирова и В. П. Казимирчука. М., 1973, с. 99.

⁴ См.: Право и социология, с. 102.

⁵ См.: Шаргородский М. Д. Прогнозы и правовая наука, с. 41.

выражается предметная, содержательная сторона марксистско-ленинского прогнозирования, отличающегося способностью научно предвидеть, в каком направлении и как будут развиваться события. Итак, возможность прогнозирования вообще, судебного прогнозирования в частности, основывается на принципиальном гносеологическом положении о том, что нет вещей непознаваемых, а есть лишь не познанные. В логическом аспекте предвидение будущего реально в силу того, что форма выводов относительно наблюдаемых явлений неизменна для любого периода времени (прошлого, настоящего и будущего). С точки зрения диалектического и исторического материализма, будущее (в отличие от прошлого и настоящего) многовариантно, зависит от сложной совокупности факторов¹. Стало быть, есть все основания для того, чтобы реально изучить будущее социального явления, ибо настоящее — результат прошедшего и указание тенденций на будущее². Уместно отметить, что еще Н. К. Михайловский писал: «...Наука значит предвидение, и там, где предвидение невозможно, невозможно и наука»³.

«В наши дни, — утверждает американский физик Р. Фейнман, — мы испытываем радость, огромную радость от того, что можем предви-

¹ См.: Бестужев-Лада И. В. Будущее человечества как предмет научного исследования. — Будущее науки. Вып. 2, 1968, с. 28—29.

² См.: Кархин Г. И. Связи настоящего и будущего в экономике. Экономика, 1970, с. 121. См. также: Р. Вайманн. О связях прошлого и настоящего. — Вопросы философии. 1971. № 2. С. 124—132.

³ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч., т. 3, с. 359.

деть, как будет вести себя природа в новых, еще никому неведомых условиях»¹.

Б. Г. Кузнецов пишет: «Характерная особенность нынешнего этапа в развитии науки — включение прогнозов в само содержание научных теорий. Поэтому вопрос о возможности прогнозов ставится теперь по-новому. Вернее было бы сказать, что подобный вопрос уступил место другому: возможно ли сейчас развитие науки без прогнозов? Ответ отрицательный»².

Таким образом, вопрос не в том, возможно ли прогнозирование при назначении наказания, а в том, что можно и чего нельзя прогнозировать. Суд нуждается в прогнозировании лишь основных тенденций, направлений логики развития будущих результатов назначенного им уголовного наказания, а не каких-либо отдельных, маловажных деталей. Практическая роль прогнозирования состоит в том, что оно необходимо для успешной реализации уголовного наказания, оно дает возможность подготовиться к будущим результатам этого наказания, влиять на них, целенаправленно формировать, изменять и развивать нужные нам процессы.

Конечно, если бы у суда не было неопределенности относительно будущих результатов наказания (например, относительно будущего поведения подсудимого), то отпала бы всякая необходимость сомневаться в правильности принятого решения. Но так как неопределенность существует и, стало быть, нет уверенности

¹ Фейнман Р. Характер физических законов. М., 1968, с. 191.

² Кузнецов Б. Г. О научных прогнозах и перспективном планировании в 30-е годы и теперь. — Будущее науки, вып. 1. М., 1966, с. 87.

В том, что будущее сложится так, а не иначе, то у суда возникают каждый раз затруднения в выборе целесообразного вида и размера наказания. Однако не следует думать, что индивидуальное судебное прогнозирование при назначении наказания способно полностью устранить неопределенность. Основная задача его состоит в том, чтобы найти наилучшее решение в условиях неопределенности, т. е., как говорят специалисты, минимизировать неопределенность. В процессе минимизации неопределенности судебное прогнозирование выступает как один из инструментов, с помощью которого разрабатываются на будущее конкретные мероприятия, принимаются целенаправленные управленческие решения¹. Отсюда — основная цель судебного прогнозирования состоит в выявлении явлений, процессов, будущее которых суду неизвестно (или малоизвестно), но знание которых имеет важное значение для решений, принимаемых в настоящем.

Судебное прогнозирование при назначении наказания может оказывать исключительно важное влияние на развитие теории права и практики в целом. В первую очередь это относится к науке уголовного права. Прогнозирование позволит более-менее определить степень эффективности всей системы уголовного наказания и отдельных ее видов, в результате чего могут быть изменены минимальные и максимальные границы уголовно-правовых санкций. В целом в современных условиях вопросы про-

гнозирования весьма актуальны как для развития теории назначения и исполнения наказания, так и для внедрения научных достижений в практику работы органов юстиции. Не без изменения останется также наука исправительно-трудового права, особенно теория исполнения наказания. Появится такая возможность оценивать действительность исправительно-трудового воздействия и тем самым деятельность учреждений и органов, на которых возложена обязанность организации исполнения наказания, вступит в новый этап совершенствования. Практическая реализация судебного прогнозирования потребует некоторых изменений в науке уголовного процесса, так как необходимо будет несколько изменить процедуру судебного процесса. Весьма эффективное влияние окажет прогнозирование и на теорию криминологической науки и практику борьбы с преступностью. Одним словом, следует согласиться с М. Д. Шаргородским: «Вопросы прогноза возникают при определении конкретной меры наказания, режима лишения свободы при условно-досрочном освобождении, условном осуждении, замена наказания мерами общественного воздействия и во многих других случаях»¹.

Совершенствование судебной деятельности по назначению наказания, посредством прогнозирования, является проблемой весьма перспективной, хотя прогнозирование в этой области отличается и будет отличаться небольшой точностью. Но надо исходить из того,

¹ См.: Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М., 1972, с. 178.

¹ Шаргородский М. Д. Наказание. Его цели и эффективность. Л., 1973, с. 107.

что даже плохой прогноз лучше хорошей неопределенности. Прогнозирование исследования «помимо того, что они позволяют выявить и оценивать в большинстве случаев, хотя бы качественно, различные возможности, они движут познание, ставят науку перед необходимостью непрерывного совершенствования и развития»¹.

Применение прогнозирования в судебной деятельности заставит теорию права постепенно совершенствоваться и развивать эту проблему. Сама жизнь этого потребует, ибо процесс назначения наказания — процесс социальный, а всякий социальный процесс всегда находится в развитии.

Постепенно будут разработаны теоретические и методологические основы индивидуального судебного прогнозирования. Определится конкретно и направление соответствующих прогностических исследований. Итак, без всякого сомнения, проблема прогнозирования судебной деятельности при назначении наказания — это проблема перспективная. С одной стороны, это проблема будущего, а с другой — настоящего.

На современном этапе мы располагаем достаточными научными знаниями относительно прогнозирования социальных явлений, процессов. Сейчас уже бесспорно, что в этой проблеме переплетается целый ряд сложных философских, социологических, психологических, математических и других вопросов. Каждая наука, безусловно, старается развивать собственные предсказательные возможности. Реа-

лизация прогностической функции каждой науки имеет свои особенности, вытекающие из предмета ее исследования закономерностей, которые она изучает.

В. П. Рожин пишет: «Предвидение как научное описание и объяснение является функцией всех наук. Разумеется, реализация этой функции в каждой науке имеет свои особенности в зависимости от предмета исследования»¹. Однако развитие прогностической функции каждой науки возможно прежде всего путем постоянного уточнения и обогащения знаний о тех законах, которые действуют в изучаемой его области объективной действительности, путем все более эффективного использования имеющихся методов исследования и отыскания новых, посредством совершенствования логического аппарата, а также процедур описания и объяснения, от которых во многом зависит реализация предсказательной функции². Прогнозирование в каждом конкретном случае есть процесс использования разнообразных методов научного исследования, выработанный многочисленными науками (статистика, математика, кибернетика, социология и т. д.). При этом необходимо заметить, что такое использование должно носить комплексный, а не обособленный характер. Накоплен определенный научный баланс по прогнозированию и в правовых науках. Юридическое прогнозирование можно интерпретировать в качестве одного из видов

¹ Рожин В. П. Вопросы диалектики научного предвидения, прогнозирования и управления. — Вестн. Ленингр. унив. 1976. № 5. С. 56.

² См.: Васильев Ю. А. В. И. Ленин и социальное предвидение. М., 1978, с. 84.

¹ Виноградов В. Г. Указ. соч., с. 182.

социального прогнозирования, что обусловливается прежде всего наличием у него объекта, предмета и проблематики. В зависимости от характера объекта юридического прогнозирования, прогнозы могут быть подразделены на территориальные (общесоюзные, республиканские, местные); институционные (политика, орган, закон); личностные (правосознание, поведение). Юридическое прогнозирование — это процесс получения научной информации относительно будущего состояния государственно-правовых процессов, явлений, сообщений, наступления тех или иных результатов и т. д. К сожалению, имеющиеся научные знания по прогнозированию не получили достаточного развития теорией права и вовсе не используются правоприменительными органами на практике.

II ПРИЗНАКИ СУДЕБНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Прогнозирование является неотъемлемой имманентной частью любой науки.

В той или иной отрасли знания прогностическая функция проявляется по-разному: в физике иначе, чем в истории или философии, в медицине по-иному, чем в социологии или в юриспруденции, но в каждой науке эта функция проявляется обязательно.

В научной литературе *прогнозирование* рассматривается как процесс получения информации о будущем состоянии, структуре, динамике явлений, событий, как процесс получения информации о явлениях, не существующих в момент, когда делается предсказание. Значит, прогнозирование следует понимать как комплекс действий, направленных на то, чтобы «на основе исходных знаний, которыми мы располагаем, с меньшей или большей точностью предсказать: наступят или не наступят определенные события»¹. Здесь, наверное, уместно высказать несколько слов об употреблении

¹ Философская энциклопедия. М., 1967, т. 4, с. 350. Более подробно о понятиях «прогнозирование», «прогноз», «прогностика» см.: Гвишиани Д., Лисичкин В. Прогностика. М., 1968, с. 22; Бестужев-Лада И. В. Проблемы общей и социальной прогностики, вып. 1. М., 1968, с. 21; Сафаров Р. А. Прогнозирование в системе принципов государственного управления. — Советское государство и право. 1970. № 9, С. 98; Право и социология.

терминов, обозначающих высказывания о будущем, о возможных, но неизвестных еще явлениях. Наиболее распространены термины «предвидение» и «прогнозирование». Существуют самые различные точки зрения по поводу содержания отмеченных терминов. Наиболее часто встречающиеся, по нашим наблюдениям, два: 1) предвидение и прогнозирование — синонимы; 2) прогнозирование — одна из форм предвидения.

Представляется, что этимологический смысл их одинаков. Что касается содержания, то прогнозирование необходимо рассматривать как одну из форм предвидения, выступающую как теоретическое предвидение в отличие от эмпирических предвидений или выдумок-пророчеств.

Прогнозирование — такая форма предвидения, которой присуще использование не только качественных, но и обязательно количественных характеристик. Когда речь идет об общих перспективах развития, скажем, мировых общественных событий, целесообразно говорить о предвидении (предвидение, а не прогнозирование революционного преобразования общества). Когда же речь идет о том, что удвоение населения планеты произойдет в ближайшие 35—40 лет, корректнее говорить о прогнозировании. Декретирование в употреблении научных терминов не принесет успеха. В ходе же практики научной деятельности, на-

до полагать, эти термины откристаллизуются и отличия их станут более четкими. Здесь же, поскольку речь идет об общих методологических основах предвидения, жесткое разграничение терминов вряд ли будет целесообразным¹. Вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что судебную деятельность по назначению наказания надо рассматривать как объект прогнозирования, но не предвидения, ибо она имеет качественную характеристику. Судебное прогнозирование, как и любое другое социальное прогнозирование, обладает следующими признаками: 1) знание, изучение и использование тенденций и закономерностей прогнозируемого явления; 2) информативность; 3) связь с будущим; 4) изучение использования прошлого и настоящего состояния прогнозируемого объекта; 5) вероятностный характер; 6) научная обоснованность и достоверность.

Изучение и использование тенденций и закономерностей назначения и исполнения уголовного наказания

Основы научного прогнозирования по назначению наказания состоят в выявлении закономерностей, присущих данной области общественных явлений. А. Бовин отмечает: «Сам принцип научного прогнозирования один и для обществоведения, и для естествознания: если известен закон, тенденция развития какого-либо явления, то, изучая это явление, мы мо-

М., 1973, с. 105; Рожич В. П. Вопросы диалектики научного предвидения, прогнозирования, планирования и управления. — Вестник Ленинградского университета. 1976. № 5. С. 61 и др.

¹ См.: Методологические проблемы социального предвидения. Под ред. В. И. Куценко. Киев, 1977, с. 14.

жем не только констатировать настоящее состояние, но и сделать вывод о направлении и характере возможных изменений»¹.

Однако М. Д. Шаргородский считает, что прогнозирование (с большей или меньшей ошибкой) возможно и при отсутствии полного знания объективных законов². Он пишет: «Для правильного прогноза совсем не всегда требуется знание и анализ причин или всех причин какого-либо явления, иногда достаточно констатации внешнего проявления, которое на основе прошлого опыта дает достаточно материала для эмпирического прогноза»³.

С такой позицией согласиться нельзя, ибо невозможно прогнозировать результаты уголовного наказания без знания закономерностей механизма его воздействия на человека до и после отбытия наказания.

Информативность судебного прогнозирования

Существование закономерностей связи между последовательными состояниями системы еще не равнозначно возможности делать удачные прогнозы, ибо для этого должны быть выполнены дополнительные условия информационного порядка. Для прогноза недостаточно существование закономерностей связи, необходимо еще, чтобы мы ее знали⁴. Информаци-

онный аспект в прогнозировании судебной деятельности (выбор вида и размера наказания) представляет собою наиболее существенную сторону познания будущих результатов уголовного наказания.

Без информации, т. е. процесса получения новых знаний об объекте познания, нет и самого познания¹. А из этого следует, что суд не может представить себе будущий результат своего решения, если не располагает достаточными знаниями относительно того, как и в каких условиях будет протекать процесс исполнения наказания в последующем, каким образом будет себя вести осужденный в будущем и какое воздействие окажет приговор на других граждан. Итак, под информативностью судебного прогнозирования, как важнейшего признака, следует понимать именно получение новых знаний о будущих событиях, результатах, явлениях, процессах конкретного вида и размера наказания. При этом речь должна идти не только о знаниях новых фактов, но и новом освещении, обобщении или упорядочении этих фактов. Назначение наказания в конечном итоге — сгусток информации, специально собранной, проанализированной и переработанной судом. Поэтому исходным, основным в принятии решения относительно выбора вида и размера наказания является сбор и подготовка информации о прошлом и настоящим подсудимого, о его будущем поведении и тех обстоятельствах окружающей его среды, в которых он совершил преступление и в кото-

¹ Бовин А. Социалистический идеал и историческая перспектива. — Коммунист. 1965. № 1, С. 85.

² См.: Шаргородский М. Д. Наказание. Его цели и эффективность. Л., 1973, с. 101.

³ Там же, с. 101.

⁴ См.: Амстердамский. Разные понятия детерминизма. — Вопросы философии. 1966. № 7. С. 120.

¹ См.: Методологические проблемы социального прогнозирования. М., 1975, с. 21.

рых он будет отбывать наказание в будущем. Процесс выработки и принятия судебного решения есть в сущности своей информационный процесс, так как, будучи информационным документом, приговор составляется в результате разнообразной и сложной работы с информацией. Естественно, что даже небольшая ошибка в решении суда может привести к нежелательным последствиям. От точности решения, его обоснованности в значительной мере зависит эффективность уголовного наказания. В то же время правильность и действенность вывода суда, относительно выбора конкретного наказания, находятся в прямой зависимости от соответствующей информации о будущем. Поэтому представляется целесообразным очень коротко остановиться на исследовании следующих вопросов: что такое информация о будущем результате уголовного наказания, где и как она берется? В научной литературе информацию о будущем называют прогностической. Она имеет свои специфические особенности. В о-п е р в ы х, информация о будущем результате наказания носит не эмпирический, а глубоко научный, обобщенный, теоретический характер, в то время как информация о прошлом и настоящем подсудимого это уже известный практический материал. Во-в т о р ы х, информация о будущем страдает своей достоверностью, глубиной, объемом, неизвестностью и т. д., а характер, объем, ценность, эффективность настоящей и прошлой информации нам уже известны. В-т р е т ь и х, информация о будущем результате принятого судебного решения во многом зависит от объема, характера, действительности информации о про-

шлом и настоящем, находящейся в распоряжении суда. Информация, предвосхищающая результат уголовного наказания в будущем, — прогностическая информация. Такая информация самым действенным образом влияет на принципы построения и применения уголовно-правовых санкций, на выбор целей наказания, а также средств их достижения. Кроме того, информация о будущем позволяет более рационально строить и организовать процесс исполнения уголовного наказания. Прогнозная информация содержит вероятностную картину относительно будущего результата судебного решения. По своему содержанию она не есть отражение реальных процессов, протекающих в настоящее время, а характеризует возможное состояние данного процесса в будущем. При этом параметры этого возможного будущего, в особенности количественные параметры, не определены достаточно точно и носят преимущественно предположительный, ориентировочный характер. Связь прогнозирующей информации с настоящим носит опосредственный характер, причем посредником являются определенные операции. Получение прогнозирующей информации по сути своей есть процесс познания через настоящее, более или менее отдаленного будущего.

В целом прогностическая информация выполняет в судебной деятельности по назначению наказания следующие функции:

Ориентировочную. Информация о будущем результате уголовного наказания помогает суду выбрать цели и наиболее перспективное, реалистичное поведение осужденного в будущем при исполнении назначенного наказания.

Помимо этого, будущая информация представляет возможность суду предвидеть, как должен быть организован воспитательный процесс по отношению к конкретному осужденному в течение всего срока наказания и в отдельные периоды. С помощью прогностической информации определяется, каким методам и средствам исправительно-трудового воздействия необходимо отдавать преимущество в процессе реализации наказания. Наконец, прогностическая информация в судебной деятельности позволяет создать модель будущего состояния осужденного.

Нормативную. Прогностическая информация относительно будущего результата наказания содержит определенные показатели, нормы, следуя которым можно решить все те задачи, которые стоят перед уголовным наказанием.

Предупредительную. Прогностическая информация позволяет заранее предвидеть возможность отрицательного поведения осужденного в будущем, причины такого отклонения, отдельные его последствия. В результате суд, определяющий вид и размер наказания, получает возможность заблаговременно внести коррективы в организацию процесса исправления и перевоспитания осужденного.

Существуют различные виды получения информации судом относительно будущего результата назначенного им наказания. Общим понятием, объединяющим все конкретные разновидности получения такой информации о будущем является *предвидение*, которое бывает различного рода: научное и ненаучное. Научное — основано на знании закономерностей

развития природы, общества, мышления; ненаучное — на предчувствиях человека, или на так называемом житейском опыте, связанных с ним аналогиях, приметах и т. п.¹. Кроме того, предвидение, как способ получения судом информации о будущем, затрагивает две различные совокупности форм его конкретизации: одну, относящуюся к собственно категории предвидения, — предсказательную и другую, сопряженную с ней, относящуюся к категории управления, — предугадательную. *Предсказание* подразумевает описание судом возможных или желательных перспектив, состояний, решений проблем будущего, а *предуказание* связано с собственным решением этих проблем, использованием информации судом о будущем для целенаправленной деятельности личности.

Таким образом, предуказание суда возможно только после предсказания. Очень важно отметить, что предсказанием, т. е. получением информации о будущем результате действительности назначенного наказания, может заниматься не только сам суд, но и любое другое лицо или группа лиц, в то время как предуказание является функцией только самого суда, так как только он может пользоваться данной информацией и вынести на основе этого определенное решение. Предсказание суда, в принципе, может быть в форме предчувствия, предугадывания и прогнозирования.

Предчувствие суда содержит информацию о будущем результате наказания на уровне интуиции. Интуитивное представление суда о будущем поведении осужденного, возможно-

¹ См.: Прогнозирование в социологических исследованиях. М., 1978, с. 8.

стях его исправления и перевоспитания, несомненно, весьма важно в практической деятельности суда, в частности, при назначении наказания. Однако в данном случае эти интуитивные представления не основаны на применении специальных исследований, следовательно, не могут возвыситься до уровня научных предсказаний.

Предугадывание суда несет информацию о будущих последствиях назначенного им наказания на основе профессионального и жизненного опыта. Будущий результат в этом случае основывается на более или менее верных догадках суда, также не основанных на специальных научных исследованиях.

Наконец, предсказание в форме *прогнозирования* — получение достоверной информации о возможном наступлении или же не наступлении тех или иных результатов уголовного наказания. В отличие от судебного предчувствия и предугадывания, прогнозирование суда, как наивысшая и самая совершенная форма предсказания характеризуется достоверностью и достаточной обоснованностью полученной информации относительно будущего поведения подсудимого и того результата, который будет получен в итоге назначенного наказания.

Связь с будущим

Как уже было сказано, прогноз всегда выступает как информация о будущем, как модель будущего развития того или иного явления¹. Поэтому адресат любого прогнозирования

¹ См.: Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования, с. 23.

— будущее. Цель прогноза — руководство действиями, относящимися к будущему. Следовательно, не может быть прогноза вне связи с будущим. Связь с будущим приводит к зависимости результатов прогнозирования от условий будущего. Это принципиальное и весьма важное положение мы обязаны учитывать при организации судебного прогнозирования. В процессе отбывания наказания в рамках типовых условий могут появиться обстоятельства, способные сдерживать или, наоборот, ускорять исправительно-трудовое воздействие. Таким образом не исключена возможность появления непредвиденных судом при вынесении приговора изменений. Наказание, которое определялось без учета таких возможных изменений в новых условиях уже не может в максимальной мере способствовать достижению своих целей. Современная система назначения наказания не позволяет суду в момент вынесения приговора учесть возможность появления всех этих обстоятельств, ибо они — продукт реализации наказания.

Изучение прошлого и настоящего состояния прогнозируемого объекта

При организации судебного прогнозирования необходимо исходить из того, что познание будущих результатов уголовного наказания — сложное дело, основанное на систематическом изучении прошлого и настоящего процесса, явления с использованием данных и методологии различных дисциплин. Такой вывод вытекает из требования марксистско-диалектического метода: изучать явления в их

связи и взаимообусловленности, в процессе их изменения и развития. Данное положение по праву занимает центральное место среди наиболее существенных методологических принципов научного предвидения. С гносеологической стороны предвидение как форма и результат познания является отражением закономерностей развития объективной действительности в единстве ее прошлого, настоящего и будущего¹. Задача научного судебного прогнозирования — выявить наличие будущих результатов наказания в настоящем и прошлом, определить характер этих результатов, условий, способствующих или препятствующих достижению желательных последствий.

Судебное решение относительно меры наказания — прообраз будущего, созданного судом на основе анализа и оценки прошлого и настоящего состояния подсудимого, его личности, условий, в которых он совершил преступление, и т. д. Судебное прогнозирование предполагает сбор и обработку материалов с целью анализа явлений и процессов с точки зрения их прошлого, настоящего и будущего, чтобы сопоставить изучаемое явление с тем, что было раньше, изучить, какие тенденции будущего развития заложены в настоящем, и выявить объективные законы развития прогнозируемого явления². Непосредственное осуществление судебного прогнозирования представляет собой логический вывод, умозаключе-

ние суда от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему. Таким образом, прошлое, настоящее и будущее в прогнозировании судебной деятельности имеет своих материальных носителей. Будущий результат наказания не только наступит, но он есть в настоящем, «ибо развитие характеризуется направленностью в будущее от прошлого через настоящее»¹.

В. И. Ленин в связи с этим указывал: «Если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего»². На это положение указывали также К. Маркс и Ф. Энгельс: «...мы не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир»³. Для прогнозирования будущего результата наказания прошлое и настоящее должно быть судом мысленно продолжено, так как «будущее вырастает из настоящего и исследование настоящего является отправным пунктом научного предвидения будущего»⁴.

Благодаря тому, что прошлое, настоящее и будущее имеют материальных носителей, они как бы «существуют». Поэтому не только важно подчеркнуть зависимость будущих результатов наказания от прошлого и настоящего, но необходимо помнить, что познание будущих

¹ Рожин В. П. Вопросы диалектики научного предвидения, прогнозирования, планирования и управления. Вестн. Ленингр. ун-в. 1976. № 5. С. 57.

² См.: Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования, с. 110.

¹ Предвидение и современность. Под ред. В. П. Тугаринова и Т. М. Румянцевой. Л., 1976, с. 22.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 181.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 379.

⁴ Васильев Ю. А. В. И. Ленин и социальное предвидение, с. 101.

явлений, процессов, результатов судебного решения влияет на настоящее, т. е. на практику судебной деятельности. Вне раскрытия элементов прошлого, настоящего и будущего невозможно понять и их диалектику. Они способны воздействовать друг на друга, так как находятся в диалектическом соотношении¹. Однако следует учитывать, что выведение будущих результатов уголовного наказания из прошлого и настоящего осуществимо только в тех случаях, когда речь идет о последовательных, непосредственных, вырастающих одна из другой ступенях развития. Реализация судебного прогнозирования предполагает, что в настоящем произошли такие существенные изменения, которые подготовили определенные условия для перехода к следующему этапу предсказательной процедуры. Поэтому для познания будущего результата судебного решения необходимо, чтобы у суда сложилось четкое представление относительно тех элементов прошлого и настоящего, от которых зависит эффективность судебного прогнозирования. Иначе говоря, надо, чтобы в процессе судебного разбирательства «сложились и выкристаллизовались и были доступны исследованию те элементы, от которых зависит облик грядущего»². Степень точности судебного прогнозирования зависит от того, насколько полно, глубоко, всесторонне изучена личность подсудимого, причины и условия, способствовавшие совершению преступления, так как «точность и определенность научного предви-

¹ См.: Методологические проблемы социального прогнозирования. Л., 1975, с. 9.

² Предвидение и современность, с. 36.

дения находятся в прямой зависимости от степени зрелости изучаемого объекта»¹. В. Г. Виноградов пишет: «Чем точнее, адекватнее и полнее было описано явление в результате предвидения, тем легче будет изучать, т. е. описывать, объяснять предсказываемое явление в случае его обнаружения или наступления»².

Вот почему совершенно справедливо утверждение о том, что между объяснением, исследованием, изучением прошлых и настоящих процессов, событий, явлений, фактов и судебным прогнозированием имеется существенная взаимосвязь. **Итак, один из возможных и практически реализуемых научных методов прогнозирования судебной деятельности — выведение будущих результатов уголовного наказания из опыта и информации прошлого и настоящего.**

Ю. А. Васильев справедливо замечает, что «знание, полученное в результате исследования настоящего или прошлого состояния развитого объекта, имеет предсказательное значение, ибо оно одновременно представляет собой и характеристику будущего всех неизвестных объектов того же рода».

Вероятностный характер судебного прогнозирования

Человек всегда сталкивается с проблемными ситуациями, которые невозможно разрешить вполне однозначно. И он давно осознал

¹ Васильев Ю. А. В. И. Ленин и социальное предвидение, с. 104—105.

² Виноградов В. Г. Научное предвидение. М., 1973, с. 20.

проблематичность большинства своих суждений о будущем, невозможность во многих случаях делать категорические заключения на основе имеющихся данных. Иначе говоря, нам часто приходится принимать решения, вовсе не гарантирующие успех, как мы это сами отлично представляем, а лишь частично дающие надежду на него. Л. Растригин замечает: «Мы живем в случайном мире, где ничего нельзя утверждать со стопроцентной уверенностью и все суждения должны начинаться словами «по всей вероятности». Иначе всякое категорическое утверждение рискует случайно не оправдаться»¹.

В свое время выдающийся математик XIX века П. Лаплас писал о том, что «можно даже сказать, если уже говорить точно, что почти все наши знания только вероятны»².

Любой прогноз всегда носит вероятностный характер, и об этом утверждают многие авторы, работающие в самых различных областях знания — философы, экономисты, социологи, науковеды, демографы и др.³.

Прогноз представляет собой не что иное, как

¹ Растригин Л. Этот случайный, случайный, случайный мир. М., 1976, с. 104.

² Лаплас П. Опыт философии теории вероятности. М., 1908, с. 7.

³ См.: Например, Смирнов А. Д. Социализм, научно-техническая революция и долгосрочное прогнозирование. — Вопросы философии. 1968. № 9. С. 15; Глезерман Г. Е. В. И. Ленин и проблемы научного предвидения. — Вопросы философии. 1969. № 4. С. 19; Бауэр А., Эйхгорн В. Исторический материализм и общественный прогноз. — Вопросы философии. 1969. № 9. С. 16; Сафаров Г. А. Прогнозирование — функция социалистического управления. — Советское государство и право. 1969. № 10. С. 110.

обоснованный выбор одного из возможных вариантов хода событий в качестве наиболее вероятного, и, следовательно, он немалым без учета и предварительного отклонения всех других вариантов¹. Вероятностный характер прогноза социальных явлений объясняется тем, что сами закономерности социального развития имеют статистический (вероятностный) характер, что наши знания о самих явлениях и их процессах, а также о влияющих на них явлениях, процессах ограничены, что информация при прогнозировании бывает недостаточна, и она не всегда достоверна, наконец, что методика прогнозирования несовершенна, она только разрабатывается. И выходит, что точно предсказать результат мы по-прежнему не можем и он в данном случае так и остался неопределенным. Здесь сплошная цепь причин и следствий приводит к тому, что событие, результат, явление, процесс становятся непредсказуемыми, то есть случайными.

Случайность — важная сторона процесса развития, которую нельзя игнорировать в объяснении сущности явления. Она присуща всем сферам человеческой деятельности².

Главным свойством случайных явлений считается неопределенность, заключающаяся в отсутствии полной уверенности в их наступлении³. Значит ли все это, что, столкнувшись со

¹ Шахназаров Г. Х. Социалистическая судьба человечества. М., 1978, с. 12.

² См.: Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм. Под ред. Макарова А. Д. и др. М., 1973, с. 197.

³ Яглом А. М., Яглом И. М. Вероятность и информация. М., 1960, с. 44.

случайностью, нужно отказаться от прогнозирования будущих результатов?

Неужели невозможно познать случайные события, результаты?

Люди давно уже заметили, что случай имеет свои свойства, и о «непредсказуемом» событии можно многое сказать. Так, в опыте с подбрасыванием монеты можно утверждать, что примерно в половине случаев, она ляжет вверх гербом, а в половине — вверх цифрой. Следовательно, случайность можно и нужно исследовать. Именно поэтому еще в XVII веке были заложены основы теории вероятностей — науки о случайных событиях. Теория вероятностей, как наука, имеет своей целью изучение закономерности в случайных событиях¹. При исследовании этих закономерностей случайное событие не перестает быть случайным, однако становится ясной внутренняя структура случайности. Значение ее дает нам возможность вполне сносно существовать в мире с непредсказуемостью случайных событий.

Таким образом, задача этой науки «состоит в том, чтобы за случайностями вскрыть необходимость и ограничить сферу действия нежелательных случайностей»².

Исследования, проводимые в науке о случайных событиях (теория вероятностей), направлены на уменьшение роли случайности в науке, технике, общественной жизни и индивидуальном поведении человека. Разработаны много-

¹ Растринин Л. Этот случайный, случайный, случайный мир, с. 6.

² Марксистско-ленинская философия. Диалектический материализм. М., 1973, с. 204.

численные методы, позволяющие исключить случайность или во всяком случае снижать ее разрушительные последствия¹. Наука доказала, что ссылка на случайность какого-либо факта, процесса, события и т. д. является подтверждением неосведомленности, некомпетентности исследователя в этом деле.

Случайность в любом процессе, явлении — понятие, зависящее от запаса информации субъекта. Следовательно, по сути дела, она зависит от уровня нашего незнания. «Чем более невежествен человек, тем более для него случаен окружающий мир. И, наоборот, ученому мир представляется не столь удручающе случайным»².

Субъективизм, неполнота наших знаний о социальных и естественных процессах представляет собой продукт отражения в сознании объективных связей, ибо любые знания есть неполное отражение человеком реальности. Поэтому вероятностное явление в некоторой мере характеризуется недостаточностью наших знаний о природе социального явления или процесса, о его развитии, детерминантах, о взаимосвязях, видах детерминации, то есть относительной истинностью наших знаний. Случайными могут признаваться те явления, объяснить которые наука еще не может. Случайный результат возникает из определенных условий и по определенным законам. Поэтому теория вероятности выступила против случай-

¹ Растринин Л. Этот случайный, случайный, случайный мир, с. 6.

² Там же, с. 11.

ности, преодолела ее и показала, что далеко не все случайные события так уж необходимо случайны. «Многие из них можно предугадать и тем самым лишить покрова таинственной непредсказуемости. Для этого нужно только внимательней присмотреться к процессу и попытаться его экстраполировать»¹.

«Ум человеческий, — писал В. И. Ленин, — открыл много диковинного в природе и откроет еще больше»².

Самое главное — попытаться выявить причины случайного события и тем самым изгнать случайность вообще. Например, до недавнего времени считалось, что пол новорожденного определяется случаем. А генетики совсем недавно выявили причины, от которых зависит пол ребенка. Таким образом, ученые выявили новую тайну у природы и тем самым уничтожили случайность, которая здесь являлась лишь прикрытием нашего незнания. Единственной надежной защитой от хаоса, к которому ведет случайность, является вероятностно-статистический метод познания явлений, процессов, событий, тех или иных результатов, который начал формироваться еще в середине XVII в.³ Однако попытки применения вероятностных представлений к анализу явлений действительности вплоть до XIX в. не приводили к существенным результатам.

К этому моменту была подготовлена почва для широкого проникновения вероятностно-

¹ Растринг Л. Указ. соч., с. 23.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 298.

³ Б. Паскаль, П. Ферма, Х. Гюйгенс с помощью теории вероятности проанализировали ряд задач, возникших на базе азартных игр.

статистических идей в самые различные отрасли науки.

Конечно, процесс этот был обусловлен прежде всего внутренней логикой развития каждой научной области. В разных науках вероятностно-статистические представления применялись, в сущности, на различных уровнях научного познания. В физике они сразу же легли в основу глубокой теоретической концепции — молекулярно-кинетической теории газов. В социологии дело обстояло сложнее. Хотя основоположники интенсивного применения вероятностных идей к изучению социальных явлений считали, что ими создана социальная наука, не уступающая по строгости самой физике, на деле оказалось, что они имели дело лишь с эмпирическим уровнем познания. Что же касается биологии, то здесь мы встречаемся с использованием вероятностно-статистических идей как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне. Тем не менее именно с XIX в. начинается стремительное освоение вероятностно-статистическими познаниями всех новых и новых областей. В начале XX в. известный русский статистик А. А. Чупров писал: «Можно сказать без преувеличения: развитие современной науки идет под знаком интереса к массовым явлениям и скоро, пожалуй, не будет такой ветви знания, которая оказалась бы совершенно недоступной вероятностно-статистическому способу исследования»¹. Сегодня с уверенностью можно сказать, что почти интуитивные догадки П. Лапласа и основанные на изучении реальных тенденций

¹ Чупров А. А. Вопросы статистики. М., 1960, с. 142.

науки предсказания А. А. Чупрова, касающиеся универсальной применимости вероятностных идей, получили блестящее подтверждение. Трудно найти сегодня сколько-нибудь значительную область науки, где не могли бы быть использованы вероятностно-статистические методы. О их значении для современных научных построений можно судить по высказываниям самих ученых.

Крупный советский ученый В. А. Амбарцумян, открывая Всесоюзное совещание по теории вероятностей и математической статистике в 1958 г., сказал: «Всякий, кто способен думать о тенденциях развития современной науки, может сам легко сделать вывод о всевозрастающей роли теории вероятностей в общем процессе развития человеческих знаний»¹. Итак, современный период характеризуется широкой и реальной возможностью вхождения вероятностно-статистических методов в познание в область каждой науки, социальных процессов, событий, явлений и т. д.

Все вышеуказанное позволяет нам сформулировать некоторые выводы относительно прогнозирования судебной деятельности по назначению наказания.

Наказание — это сознательно применяемая принудительная мера, которую государство в лице суда вводит в социальный процесс для достижения определенных полезных целей. Выбор судом вида и размера наказания (процесс назначения наказания), как разновид-

ность социальной деятельности, носит характер прогноза, ибо вывод суда направлен в будущее. Значит, содержащееся в приговоре суда решение о наказании, хотя и приближается к действительности, но все же носит вероятностный характер, в принципе накладывающий запрет на исключительно точный выбор вида и размера уголовного наказания, так как всякое предсказание будущего имеет всегда принципиально случайный характер. Назначая то или иное конкретное наказание, суд предполагает (надеется), что этого будет вполне достаточно для достижения всех тех целей, которые стоят перед ним. Однако это только предположения, надежды. Но почему? А потому, что результат прогностического судебного решения является вероятностным, что приводит к тому, что вероятность активно вмешивается в процесс реализации наказания и поэтому ее необходимо рассматривать с позиции врага, как досадную помеху, препятствующую точному избранию меры наказания. Вероятность мешает суду предвидеть даже ближайшее поведение осужденного, не говоря уже о том, что она делает практически невозможным дальнейшие прогнозы, так как многообразие случайностей в поведении осужденного проявляется в случайных взаимосвязях объективных и личностных детерминант. Помимо всего, случайности могут быть как объективными, имеющими свое обоснование в объективной действительности (конкретные обстоятельства жизни осужденного, организация процесса исправления и перевоспитания, коллектив осужденных и т. д.), так и субъективными, обусловленными индивидуальными особенностями осужденного:

¹ Амбарцумян В. А. Вступительное слово. — В кн.: Труды Всесоюзного совещания по теории вероятностей и математической статистике. Ереван, 1960, с. 12.

свойствами характера и воли (слабоволие, неустойчивость и несдержанность), содержанием потребностей, эмоциональными качествами (возбудимость, стремительность, переживание, жестокость и др.).

Вероятностные события не только затрудняют, но и часто вовсе прерывают организацию воспитательного воздействия, принося много неприятностей в процессе реализации наказания. Случайность наступления нежелательных последствий судебного решения — это прежде всего непредсказуемость достижения именно тех результатов, ради которых назначалось наказание.

Вероятность, таким образом, — незнание судом будущих результатов своего решения, слабая осведомленность относительно наступления тех или иных событий, отсутствие необходимой информации о будущих явлениях. Значит ли все это, что столкнувшись с вероятностью нужно отказаться от прогнозирования будущих результатов наказания? Практика показывает, что в большинстве случаев прогноз судей относительно будущего поведения осужденного, достижения целей исправления и перевоспитания, эффективного воспитательного воздействия назначенного наказания на других граждан оправдывается. Поэтому основной нашей задачей является исследование будущих вероятностных событий. Но каким образом?

Представляется, что вероятностно-статистические методы познания, исследования вероятностных событий, явлений в такой же степени, как и в области других социальных наук, могут давать достоверные результаты при про-

гнозировании судебной деятельности по назначению наказания. В то же время они, конечно, предполагают и элемент неопределенности, проблематичности, который в принципе присущ им не в большей мере, чем другим научным методам. В. И. Купцов в связи с этим отмечает: «Действительно, вероятностно-статистические теории дают лишь вероятностные предсказания. Но ведь и другие типы научных теорий не могут избежать вероятности в своих суждениях о действительности»¹.

Таким образом, важнейшей задачей сегодняшнего дня является создание вероятностно-статистических методов познания будущих результатов уголовного наказания.

Научная обоснованность и достоверность прогнозирования судебной деятельности

Как известно, существует научное, ненаучное (волюнтаристское) и эмпирическое (элементарное) прогнозирование². В философской литературе справедливо отмечается, что «следует различать предвидение на уровне обыденного сознания и предвидение на уровне научного познания»³. При этом под уровнем предвидения разумеется различная глубина познания будущего⁴. Поэтому обыденное и научное сознание — это лишь различные степени и уровни познания, а не нечто прямо про-

¹ Купцов В. И. Детерминизм и вероятность. М., 1976, с. 235.

² См.: Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования, с. 20.

³ Предвидение и современность, с. 102.

⁴ См.; там же.

тивоположное и взаимоисключающее. А из этого следует, что не любое утверждение суда о будущем, «сделанное на основе закономерного повторения явлений, можно считать научным предвидением»¹.

Бурное развитие науки, возрастание ее прогностической функции ставят задачу отделить истинные научные прогнозы в судебной деятельности по назначению наказания от неистинных, но претендующих на истинность. Следует иметь в виду, что при существующем положении вещей прогноз, который делается судом, носит интуитивный характер. Поэтому он не соответствует тем данным, достигнутым уже сейчас наукой о человеке и обществе. Для наибольшей эффективности судебного прогнозирования, что особенно важно в условиях нашего общества, необходимы его научная обоснованность, высокая степень его истинности. Обоснованность прогнозирования судебной деятельности характеризуется прежде всего научностью всестороннего и глубокого анализа механизма воздействия наказания на человека в процессе его назначения и реализации. Всесторонний анализ действительности является важнейшим звеном в процессе прогнозирования, предпосылкой правильности и совершенства разрабатываемых прогнозов².

Не следует забывать, что научно обоснованный судебный прогноз — это особый вид научного предвидения, характеризующийся ря-

дом специфических признаков. Лишь при наличии всех или почти всех признаков можно утверждать, что данная научная информация о будущих результатах уголовного наказания является обоснованным прогнозом. Вот почему для определения и объяснения научной обоснованности, точности судебного прогноза должны применяться разнообразные критерии. Научно обоснованное прогнозирование при назначении наказания отличается от обыденного судебного предчувствия не только своим предметом и своей глубиной, но и по своему объему и значительно большей точностью как в смысле количественных характеристик, так и в хронологическом смысле. Без количественной своей стороны судебные прогнозы свелись бы только к указанию тенденций, что явно недостаточно для практических мероприятий по реализации или предотвращению будущих результатов или событий уголовного наказания.

Количественное выражение, как правило, недопустимо для обыденного судейского сознания. Для обоснованности прогнозирования судебной деятельности очень большое значение имеют также качественность, полнота процесса прогнозирования на всех его ступенях, «органическое единство чувственной и рациональной ступеней познания научной теории и общественной практики»¹.

Важнейшей задачей научного прогнозирования судебной деятельности является не только обслуживание собственных научных задач, но и подведение под рациональное обыден-

¹ Методологические проблемы социального прогнозирования, с. 82.

² См.: Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования.

¹ Методологические проблемы социального прогнозирования, с. 83.

ное судебное предчувствие научной базы, освобождение этого предчувствия от ненаучных, интуитивных и дилетантских представлений и суждений о будущем результате конкретного уголовного наказания. Исходя из существующих различий между научным, ненаучным и эмпирическим прогнозированием, следует еще раз подчеркнуть, что поистине научно обоснованное судебное прогнозирование — это постоянный, сложный творческий процесс познаний будущих результатов решения суда относительно вида и размера наказания. Научно обоснованное прогнозирование судебной деятельности есть прежде всего научно-теоретическая деятельность. Следовательно, «на каком бы участке общественной жизни, в какой бы области эта деятельность ни проводилась, она должна пониматься и осуществляться как непрерывный процесс, как постоянный творческий процесс труда и мышления»¹. Итак, в отличие от судебного предчувствия и предугадывания, прогнозирование суда, как наивысшая и самая совершенная форма предсказания характеризуется достаточной научной обоснованностью полученной информации относительно будущего поведения подсудимого и тех результатов, которые будут получены в итоге конкретного назначенного уголовного наказания. Одним из существенных признаков судебного прогнозирования является научная достоверность.

Если считать вероятностным знанием такое

знание, для выдвижения которого имеются определенные теоретические предпосылки и практические подтверждения, но и, однако, в целом недостаточные для доказательства и обоснования его истинности, то достоверным знанием следует называть знание, истинность которого доказана, обоснована как логическими средствами, так и практическими¹. Следовательно, утверждение о достоверности знания означает решение вопроса о его истинности или логичности. Тем не менее «нельзя свести знание будущего только к двум полярным противоположностям: истине и лжи. Не следует изображать ступени знания и познания будущего как мгновенное превращение незнания будущего в его знание, полное и исчерпывающее»². Такое совершенно справедливое замечание вытекает из следующего положения: прогнозирование есть процесс, в тенденции процесс истинный. Что же такое истина и как ее следует понимать в прогнозировании?

С точки зрения диалектического материализма, истина — это соответствующее объективной реальности содержание наших знаний. Она представляет в некотором отношении итог процесса познания материальной действительности. Но в то же время истина в марксистско-ленинской философии понимается не как непосредственное и неизменно правильное отражение объекта, а как бесконечное углубление познания, все более точно, полно и всесторонне

¹ Бауэр А., Эйхгорн В., Кребер К., Шульце Г., Сечет В., Вюстник К. Философия и прогностика (пер. с немецкого). М., 1971, с. 26.

¹ См.: Виноградов В. Г. Научное предвидение. М., 1973, с. 176.

² Туганов В. П., Румянцева Г. М. Предвидение и современность, с. 129.

отражающего объекты, находящиеся во взаимодействии и непрерывно изменяющиеся. Таким образом, истина, как характеристика нашего знания, складывается в процессе развития и формирования самого знания¹. Истина есть состояние теории, знаний, идеологии, форм опережения. Это характер наших знаний о будущем. Имеется ли в самом мире то, что отражается в нашем мозгу, в наших знаниях в виде понятий о будущем?

Если да, то наши представления о будущем обладают свойством истинности.

Если в самой реальности, в самом мире, в действительности нет ничего такого, что бы говорило о будущем, то наши знания, представления, выраженные в формах опережающего отражения действительности, не обладают истинностью².

Истина в прогнозировании есть соответствие форм предвидения объективным возможностям, тенденциям, которым суждено осуществиться в будущем и которые уже имеются в настоящем в виде зачатков, ростков нового.

Проблема истинности наших знаний относительно будущих результатов уголовного наказания — важная составная часть гносеологического и логического аспектов в методологии судебного прогнозирования.

Ценность судебного прогнозирования при назначении наказания определяется не только общественной значимостью прогнозируемого явления, но и степенью их точности, надежности. От уровня достоверности прогноза суда

зависит как исход будущего результата наказания, так и вся совокупность карательно-воспитательного воздействия в настоящем; из которого рождается будущее. К сожалению, даже при использовании самых совершенных методов прогнозирования в судебной деятельности нельзя надеяться на стопроцентную точность, истинность, достоверность информации о будущих результатах наказания, ибо «достоверное предвидение, так сказать, в «чистом» виде представляет собой предельный случай»¹. Практически невозможно непосредственно установить истинность или ложность наших знаний о будущих результатах судебного решения, ввиду весьма сложного характера прогнозирования в этой области. При организации прогнозирования в судебной деятельности по назначению наказания необходимо учесть, что «общие соображения относительно объективности истинности познания должны быть интерпретированы в прогнозировании, исходя из специфики прогнозирования, как отражение будущего, как получение информации о будущем и из будущего»².

Проблема достоверности судебного прогнозирования состоит в раскрытии, по крайней мере, трех сторон:

1. Следует ответить на вопрос, соответствуют ли мысли, знания, мнения, представления, понятия и теории суда о будущем самой объективной реальности, т. е. содержится ли в его субъективных представлениях о будущем ре-

¹ Виноградов В. Г. Научное предвидение. М., 1973, с. 179.

² Предвидение и современность, с. 129.

¹ См.: Виноградов В. Г. Научное предвидение, с. 175.
² См.: Методологические проблемы социального прогнозирования, с. 75.

зультате уголовного наказания объективное содержание.

2. Нужно ответить на вопрос о том, что именно соответствует из самой реальности представлениям суда о будущих последствиях приговора, содержится ли нечто конкретное в самой объективной действительности, говорящее о будущих результатах уголовного наказания, т. е. это вопрос об объекте, предмете представлений суда о будущем.

3. Наконец, мы обязаны сказать о характере соответствия представлений суда о будущем самому миру, содержащий элементы будущего. Носит ли это соответствие приблизительный или вполне точный и однозначный характер. Имеется ли определенность или неопределенность в этом соответствии?

Одним из существенных технических условий достоверности судебного прогноза является способность суда пересчитывать предположительные варианты будущего поведения осужденного, сравнивать их по всем параметрам, вносить коррективы на случайные отклонения в его поведении и т. д.

III

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Судебное прогнозирование при назначении наказания как элемент общей системы юридического прогнозирования обладает определенными особенностями.

Прогнозирование в судебной деятельности при назначении наказания характеризуется сравнительной ограниченностью применения математических методов (по сравнению, например, с науковедческими, экономическими, демографическими прогнозами) из-за высокой степени сложности и своеобразности предмета исследования. Так, например, вряд ли можно с помощью математических методов определить, как будет себя вести осужденный в течение трех или пяти лет пребывания в местах лишения свободы. Невозможно также с математической точностью определить степень исправления и перевоспитания конкретного осужденного в будущем.

Еще труднее посредством математики измерить эффективность общепреventивного воздействия конкретного уголовного наказания.

Тем не менее математические методы, кибернетика, различные электронно-вычислительные машины вполне могут быть использованы в процессе судебного прогнозирования.

В настоящее время методы математики широко применяются при исследовании социальных явлений и процессов.

Ф. Константинов, В. Келле указывают: «Для применения математических методов в социологии имеются огромные возможности, и здесь не следует выдумывать каких-либо априорных границ»¹. Очевидно, по мере того как будет развиваться математический аппарат, будут в свою очередь совершенствоваться и качественные методы исследования, что позволит теории прогнозирования «найти общий язык» с точными науками»². Такой вывод следует из того, «что на современном этапе трудно провести резкую грань между естественными и общественными науками. Развитие науки вступает в такую фазу, когда взаимосвязи между ними, взаимопроникновение и взаимовлияние наук все более усиливается»³. Математика обладает целым арсеналом средств (модели, матрицы, функции, графики, формы, отношения и т. д.), которые способны наряду с количественными выражать и определенные качественные черты общественных явлений, раскрывать сложнейшие взаимозависимости множества социальных факторов и тем самым получить столь необходимую в управлении обществом комплексную информацию⁴. Следует учитывать, что в настоящее время сама математика обнаруживает тенденцию к переходу от чисто

¹ Константинов Ф., Келле В. Исторический материализм — марксистская социология. — Коммунист. 1965. № 1. С. 22.

² Аванесов Г. А. Указ. раб., с. 178.

³ Келдыш М. Естественные науки и их значение для развития мировоззрения и технического прогресса. — Коммунист. 1986. № 17. С. 29.

⁴ См.: Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1968, с. 245.

количественных методов мышления к созданию такого аппарата, который мог бы сочетать количественный анализ с качественным¹.

Сейчас уже стало вполне очевидным, что решение задач социального прогнозирования вообще и такой его разновидности, как судебное в частности, невозможно без использования как количественных, так и качественных методов. Применение количественных методов расширит возможности научного прогнозирования соответствующих социальных явлений и процессов.

Особую роль в решении этой задачи может сыграть *кибернетика*, — заслуга которой состоит прежде всего в том, что она, опираясь на достижения социологии, математики, биологии, ряда технических и других наук, сформулировала некоторые общие черты, признаки управления в биологических, социальных и технических системах.

В течение сравнительно долгого времени имело место неоправданное недоверие к кибернетике.

Возможности кибернетического исследования и применения кибернетических методов ко многим наукам, включая науку о государстве, не уделялось должного внимания. «Сегодня совершенно невозможно даже приблизительно оценить эффект, который принесет всестороннее внедрение кибернетических методов и средств электронной автоматики во всех областях человеческой деятельности», — отмечает председатель научного совета по кибернетике

¹ См.: Волков Г. Н. Социология науки. М., 1968, с. 245.

Академии наук СССР, академик Берг¹. И подобно тому, как создание паровой машины в свое время многократно увеличило физические возможности человека, сделало его сильнее, так и появление и развитие кибернетики усилило его умственные способности, можно сказать, сделало умнее. Трудно найти такую область умственной деятельности человека, которую полностью или частично со временем нельзя было бы переложить на машину².

Отмеченные тенденции в соотношении функций человека и автоматических устройств в системах управления определяют и актуальность постановки вопроса об использовании технических средств кибернетики в правореализующей деятельности, необходимость экспериментов в этом направлении³. И то обстоятельство, что между юриспруденцией и кибернетикой в ряде пунктов устанавливаются деловые контакты и эти контакты все более крепнут, что само по себе свидетельствует об органическом единстве права с новейшими сферами знаний и практической деятельности⁴. Сейчас уже общепринятым считается установка на то, что ЭВМ могут использоваться как помощники человека в реализации норм права, что вывод машины следует рассматривать не как окончательное решение, а лишь как «мнение» высококвалифицированного «консультан-

¹ Nová myse. 1961. № 12. С. 1584.

² См.: *Абчук В.* Торпеда капитана Немо. Л., 1980, с. 158.

³ См.: Основы применения кибернетики в правоведении. Под ред. доц. Н. С. Полевого и доц. Н. В. Витрука. М., 1977, с. 203.

⁴ *Алексеев С. С.* Право и наша жизнь. М., 1978, с. 175—176.

та», способного обеспечить запросы государственных органов и учреждений¹.

Нужно признать, что исследование возможностей использования кибернетических методов в юридической науке необходимо, реально и перспективно. Оно может проводиться либо в сотрудничестве с другими специалистами, либо только юристами в специфических вопросах государства и права, таких, например, как вопросы законодательной техники, судопроизводства, первоначальных следственных действий и т. д. Академик В. М. Глушков — директор института кибернетики АН УССР пишет: «Нет, однако, сомнений, что в недалеком будущем кибернетические методы и машины будут играть более существенную роль и в практической работе юристов. Сейчас в разработке проблемы применения кибернетики в юридической науке и практике вместе с учеными-юристами участвуют математики, социологи, философы, экономисты, работники суда, органов прокуратуры, внутренних дел. И это не случайно, ибо внедрение достижений кибернетики в практику юридических учреждений, — задача весьма сложная, она требует большой предварительной работы»².

При решении вопроса о предпосылках использования кибернетических методов в судеб-

¹ См.: *Москвин С. С.* Достижение кибернетики — на службу права. — Советская юстиция. 1968. № 2. С. 25; *Иванов В. И., Москвин С. С.* Использование электронно-вычислительной техники в применении правовых норм. — Советское государство и право. 1967. № 12. С. 30.

² Основы применения кибернетики в правоведении. М., 1977, с. 3—4.

ной деятельности по назначению наказания речь идет фактически о *трех* совершенно неравноценных и нетождественных вопросах. *С одной стороны*, — это вопрос о возможности использования кибернетических методов в этой области. *С другой* — о тех границах, за пределы которых кибернетика в судебной деятельности выйти не может. Наконец, это вопрос относительно полезности использования кибернетических методов в процессе назначения наказания, т. е. не о том, возможно ли вообще их использование, а о том, может ли оно быть эффективным, полезным, не окажется ли это самоцелью, оправдает ли себя такое использование кибернетических методов.

Исследование в области применения кибернетики в судопроизводстве, в частности при назначении наказания, находится пока еще в зачаточном состоянии и в настоящий момент применение его результатов в достаточно больших масштабах на практике является еще отдаленной перспективой.

В данном случае это исследование исходит из потребностей развития самой этой проблемы, требующей прежде всего решения трудных теоретических и методологических вопросов. Попытки приступить к изучению возможности применения кибернетических методов в судебной деятельности по назначению наказания предполагает вместе с тем также и необходимость выявления того, какие результаты и какие методы кибернетики здесь могут быть использованы, в какой степени возможно их использование и в какой форме это может быть сделано.

Применение кибернетики в судебной дея-

тельности — это не применение по готовым рецептам. Оно не является пассивным использованием достигнутых результатов кибернетического исследования, а наоборот, в известной степени это применение творческое, обогащающее не только область применения наказания, где используются результаты кибернетического исследования и методы кибернетики, но могущие привести к некоторым новым оценкам и в самой кибернетике. Исследование возможностей применения кибернетики в судебной деятельности и, в частности, доведение общих и теоретических положений и выводов до их конкретного использования на практике предполагает широкое сотрудничество юристов логиков, математиков, кибернетиков, техников и т. д. Уже первое приближение к этим проблемам показывает, что решение вопроса о возможности использования кибернетических методов в практике назначения наказания потребует весьма трудоемких и сложных логических анализов.

В связи с этим возникает вопрос о том, что возможно ли существование так называемого «электронного судьи». Во многих отношениях машина имеет гораздо больше возможностей, чем человек. Так, например, она характеризуется беспристрастностью, способностью решать сложные логические задачи, иметь колоссальный массив информации, умением быстро сориентироваться в данной ситуации и т. д. Конечно, все эти качества очень необходимы для судьи, но кибернетика не может заменить мыслящего человека, которому поручено судить поступки других людей.

Почему?

Во-первых, потому что судебный процесс не технический механизм, а реальная область жизни, живой и восприимчивый организм, в котором лица, участвующие в деле, вступают в определенные, временные взаимоотношения, регулируемые нормами права. Он должен быть организован таким образом, чтобы всякий, могущий здраво судить о явлениях окружающей жизни, мог бы без всякого затруднения судить и о судебном процессе. Судебное разбирательство — процесс не только юридический, но и психолого-педагогический, где сталкиваются люди не только с различными правами и обязанностями, но нередко с диаметрально противоположными характерами, жизненными позициями, мировоззрениями, судьбами и т. д. В процессе судебного следствия судья встречается со многими психологическими вопросами, которые накладывают свой отпечаток на всю судебную деятельность и требуют от него определенных знаний в области психологии. Судья может прекрасно разбираться в области юриспруденции, но если он не умеет работать с людьми, не владеет психологическим тактом и не знает принципов педагогики, в суде будут нарушаться взаимоотношения между его участниками и возникать конфликты. Психологический такт — умение быстро устанавливать правильные взаимоотношения с участниками процесса, которые наилучшим образом способствовали бы выполнению задач правосудия. Для того, чтобы правильно строить линию своего поведения, судья должен стараться быстро определить психологию людей, без лишних вопросов выявлять мотивы и цели, внутреннее состояние и характер человека. Он должен

быть наблюдательным, находчивым, уметь быстро и гибко менять линию своего поведения в зависимости от внешне малозаметных признаков поведения допрашиваемых и находить психологически правильные приемы ведения судебного разбирательства. Любой из присутствующих в зале так или иначе будет контролировать каждое действие судьи. Даже самые сложные и совершенные электронные устройства не в силах проникнуть в глубины человеческой психики. Только человек способен разобраться в этом и вынести свое решение. В этом его колоссальное преимущество перед машиной.

Люди есть люди. И недопустимо, чтобы отношения между ними разбирали машины.

Во-вторых, «электронный судья» не сможет назначить справедливое и целесообразное наказание, отвечающее требованиям ст. 37 Основ, где сказано, что «при назначении наказания суд, руководствуясь социалистическим правосознанием, учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность».

«Электронный судья» очень легко может установить, например, что за действия, подпадающие под ст. 117 ч. II УК РСФСР следует наказание в виде лишения свободы от шести до десяти лет. Такое умозаключение машины будет в соответствии с правилами формальной логики истинным.

Формально-логическое умозаключение направлено на установление отношения между гипотезой и санкцией нормы, т. е. между пре-

ступлением и абстрактной уголовной мерой наказания (от 5 до 10 лет лишения свободы). Но для практической реализации содержания ст. 37 Основ одного формально-логического умозаключения недостаточно. Общие начала назначения наказания требуют диалектического умозаключения, т. е. индивидуализации уголовной ответственности. А это значит, что при конкретном определении наказания в судебном приговоре предусмотренные в гипотезе нормы преступления, не могут быть, конечно, единственной посылкой. Здесь решающее значение будут иметь и другие обстоятельства, которые, если быть точным, тоже следует отнести к гипотезе нормы, а именно: степень общественной опасности конкретного деяния, личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства. Формальная логика может сама по себе с уверенностью привести «электронного судью» только к определению абстрактной уголовно-правовой санкции, т. е. допустимых пределов наказания. В противоположность этому решение о конкретном назначении наказания внутри пределов санкций — это уже дело не только формальной логики, а вопрос диалектической оценки всех обстоятельств. Если «электронным судьей» установлено наказание, например, в виде лишения свободы сроком на 5 лет, его вывод логичен, но это еще не значит, что он является правильным, а следовательно, ставится под сомнение и обоснованность приговора. Ведь не исключено в данном случае, что при правильной диалектической оценке должно было быть наложено наказание на самом низшем пределе срока: 2 года лишения свободы или же, наоборот,

рот, максимальная мера наказания — 10 лет. Вся беда заключается в том, что «электронному судье», без ограничения доступны отношения формально-логические. Что касается диалектических отношений, то ему они практически неизвестны. Вот почему машина не может заменить человека-судью, ибо применение диспозиций и санкций правовых норм есть исключительная прерогатива человека, результат его волеизъявления, его рассудочной, оценочной деятельности¹. М. С. Строгович правильно пишет, что «следует категорически исключить какую-либо механизацию в разрешении судом вопроса о виновности и степени ответственности привлеченных по уголовному делу лиц... возложение, хотя бы частичное или предварительное, на электронно-вычислительные машины функции отвечать на вопросы о том, доказано ли, что обвиняемый виновен в совершении преступления и несет за него ответственность и какова степень его ответственности»². Заявление о возможности создания кибернетических машин, заменяющих хотя бы в какой-то мере судью, было подвергнуто резкой критике Д. А. Керимовым, И. И. Мухиным.

В судебной деятельности по назначению наказания, в частности в процессе прогнозирования, машина может оказать судье исключительно большую помощь в плане получения, хранения, переработки информации относительно будущего результата уголовного наказания. Информация, как известно, перерабаты-

¹ См.: Основы применения кибернетики в правоведении, с. 209.

² Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, с. 307.

вается на самых различных уровнях, самыми различными путями и средствами. Основная задача ЭВМ в процессе прогнозирования заключается в обеспечении судьи нужной ему информацией о будущем результате наказания. Таким образом складывается информационное взаимодействие между судьей и ЭВМ. Не подменяя судью, электронные машины могут давать ему рабочий материал, а иногда даже предварительные выводы, которые должны рассматриваться как мнение по делу высококвалифицированного консультанта. «Творчество человека, усиленное машинным мозгом, поднимается на новую высоту благодаря тому, что человек освобождается от выполнения рутинных операций, получает возможность непосредственно в ходе решения управленческих и других задач проверять те или иные гипотезы или мысленные эксперименты, вносить коррективы в ход своих мыслей и поступков», — отмечает В. Г. Афанасьев¹. В конечном итоге вся работа с информацией о будущем уголовного наказания, призванная выполнять ЭВМ, ориентирована на судью, который должен принять решение. Именно на суд ложится вся полнота ответственности за принятое решение; она не может быть передана ЭВМ. Главное то, что математическая формула модели позволяет человеку привлечь для анализа будущего невиданного ранее отличного помощника, имя которому — ЭВМ. В итоге складывается целостная система «Суд — ЭВМ», которая способна решать задачи, ко-

¹ Афанасьев В. Г. Социальная информация и управление обществом. М., 1975, с. 308.

торые ни суд, ни машина сами по себе решить полностью не в состоянии. При этом с особой силой следует отметить, что никакой самый удивительный прогресс электронно-вычислительной техники не может умалить роли человека. Человек был, есть и навсегда останется центральным звеном системы «Человек — ЭВМ», как бы совершенна ЭВМ не была. Человек — творец машины. Человек задает машине программу, контролирует варианты действий и выбирает наилучший из них. Человек придает решению законную юридическую силу¹.

Судебное прогнозирование при назначении наказания направлено от известного к неизвестному, что порождает специфическую гносеологическую неопределенность научного предвидения, то есть невозможность непосредственного экспериментального контролирования результатов уголовного наказания оставляет во многих случаях открытым вопрос о подтверждении правильности или ошибочности выводов суда, поскольку на данном этапе развития науки для решения этой проблемы отсутствуют достаточные логические и практические средства. В. Г. Виноградов отмечает: «Отсутствие возможности непосредственно-профилактической экспериментальной проверки результатов научного предвидения затрудняет ответ на вопрос об истинности или ложности предвидения. Непосредственно практическую проверку результатов предвидения

¹ См.: Афанасьев В. Г. Указ. раб., с. 309.

можно осуществить только после обнаружения предсказуемых явлений»¹.

Значит прогнозирование судебной деятельности по назначению наказания отличается невозможностью «сиюминутной» практической проверки истинности, обоснованности, надежности прогнозов, так как существует сдвиг во времени проверки теории на практике от процесса ее формирования. Наличие такого временного интервала создает некоторую гносеологическую неопределенность, поскольку к моменту окончательной проверки теории материальные объекты, которые она отражает, могут претерпеть существенные изменения. **Это вторая особенность судебного прогнозирования.** Но она не является основанием для отказа от прогнозирования. Еще А. Пуанкаре предупреждал: «Лучше предвидеть без абсолютной уверенности, чем не предвидеть вовсе»².

Без всякого сомнения, авторитет судебной прочности зависит прежде всего от степени вероятности прогнозов. Поэтому одной из самых актуальных проблем судебного прогнозирования при назначении наказания является проблема *априорной верификации* и доказательства.

В советской философской литературе имеет место недооценка проблемы истинности прогнозирования. Так, например, утверждается, что «верификация как способ проверки знания, заключенного в прогнозе, не может ответить на вопрос — истинен или ложен прогноз», ибо «специфика знания, заключенного в про-

гнозе, состоит в том, что о его достоверности можно говорить объективно только после осуществления прогноза»¹.

Следовательно, полагают эти авторы, прогнозирование теряет смысл, если ждать реализации прогноза для определения его достоверности и возможности использования².

Вопрос об объективной истинности судебного прогнозирования тесно связан с проблемой критериев его истинности. Именно предварительное выяснение объективной истинности прогнозирования судебной деятельности служит основой для анализа критериев истинности познания будущих результатов уголовного наказания. Они делятся на два класса: практический критерий и логические (косвенные) критерии. Организация судебного прогнозирования по назначению наказания, т. е. «формирование искомого есть вместе с тем определение и развитие критериев, на основе которых непрерывно определяется адекватность этого искомого исходным условием и требованию решаемой задачи»³. С одной стороны, вначале при назначении наказания нет и быть не может никаких *полностью* готовых критериев и эталонов будущего результата судебного вывода, относительно правильности или ошибочности избранного вида и размера уголовной ответственности. Но, с другой стороны, органи-

¹ Виноградов В. Г. Научное предвидение. М., 1973, с. 174.

² Пуанкаре А. Наука и гипотеза. М., 1904, с. 159.

¹ Каспин В., Лисичкин В. О создании краткого словаря терминов по прогностике. — В кн.: Теория и практика прогнозирования развития науки и техники в странах — членах СЭВ. М., 1971, с. 353.

² См.: там же, с. 399.

³ Брушлинский А. В. Мышление и прогнозирование. М., 1979, с. 180.

зация судебного прогнозирования невозможна без подобных критериев и эталонов. Отмеченное противоречие шаг за шагом разрешается именно в процессе создания, формирования будущего результата уголовного наказания.

Главным и подлинным критерием истины судебного прогнозирования выступает практика, т. е. факт наступления или не наступления в будущем желаемого результата конкретного уголовного наказания.

«Практикой своей, — подчеркивает В. И. Ленин, — доказывает человек объективную правильность своих идей, понятий, знаний»¹. Практика есть основа судебного прогнозирования. Именно в практике судья открывает те свойства наказания, предсказывающие будущее. Ю. А. Васильев отмечает: «Практика обеспечивает материализацию, превращение в объективную реальность предвидимой цели, социального идеала»². К практике, как критерию объективной истины судебного прогнозирования, нужно подходить диалектически, потому что она не только подтверждает или опровергает прогнозы о будущем результате уголовного наказания, но и сама нуждается в них.

С одной стороны, в процессе организации судебного прогнозирования практика выступает как его настоящая основа, как исходная материальная предпосылка всех прогностических изысканий, как неиссякаемый источник обогащения и развития научных представлений о будущем. Поэтому практика — единственное средство реализации и подтвержде-

ния прогнозирования теоретических предначертаний суда. Она является не только критерием надежности прогноза будущего результата уголовного наказания в его окончательном виде, но и решающим средством уточнения, корректирования прогностических знаний суда в процессе их реализации. Специфика практики как критерия достоверности судебного прогноза в этом смысле состоит в том, что проверка сегодняшних знаний о завтрашнем результате судебного приговора производится на основе прошлой и настоящей практики назначения наказания.

С другой стороны, практика не может обойтись без судебных прогнозов в той или иной форме. Практика нуждается в прогностической деятельности суда, являющейся толчком, стимулом. Прогноз суда, получивший проверку на практике, подтверждает истинность и тех знаний, на основе которых он строится.

Результат практической реализации судебного прогнозирования при назначении наказания полностью не может совпадать с его теоретической моделью, а соответствует ей в основном, существенном, определяющем. Так, например, суд точно не в состоянии определить в деталях, как себя будет вести осужденный в местах лишения свободы через 2 года после осуждения.

Но посредством прогнозирования суд может определить в будущем поведение данного осужденного в целом.

Поэтому попытки предвосхитить будущее поведение осужденного во всех подробностях представляют собой лишенное какого бы то ни было основания произвольное гадание, а не

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

² Васильев Ю. А. В. И. Ленин и социальное предвидение, с. 199.

научное прогнозирование. При этом необходимо иметь в виду, что соотношение прогнозирования (цели) и результата практики неодинаково складывается в различных социальных условиях. Изучение связи между социальным предвидением (целью) и результатом практики, их относительного, а не абсолютного совпадения позволит установить определенные научные принципы, соблюдение которых необходимо при сопоставлении теоретической модели будущего с достаточным материальным результатом человеческой деятельности¹. Таким образом судебное прогнозирование всегда выступает в качестве относительной истины, оно неполно характеризует будущий результат уголовного наказания.

Потому практика в чем-то дает меньше, чем предусматривал прогноз суда, но она в то же время осуществит и много нового, что не охватывалось судебным прогнозированием. Результат уголовного наказания характеризует не только «недовыполнение» прогноза, но и его «перевыполнение». В целом, в итоге практический результат наказания всегда окажется богаче, чем самое совершенное судебное прогнозирование.

Итак, результат судебного прогнозирования при назначении наказания, получивший проверку на практике, подтверждает истинность и тех знаний, на основе которых он строился.

Но в момент вынесения приговора суду необходимо быть уверенным в определенной достоверности его знаний о будущем не после, а

раньше, чем наступят ближайшие или отдаленные результаты его деятельности.

Иначе говоря, суд должен до назначения того или иного вида и размера наказания быть уверенным, например, что осужденный исправится или не исправится в течение, например, 5 лет. Следовательно, **обращенность прогностического познания суда вперед, в будущем заставляет нас искать способы, пути проверки истинного познания будущего до того, как прогностические идеи будут подтверждены или отброшены практикой.**

Помимо абсолютной верификации, т. е. эмпирического подтверждения или отрицания правильности прогноза, существует относительная (предварительная) верификация, которая позволит развивать научное исследование и практически использовать его результат еще до наступления возможности верификации. Способы относительной верификации общезвестны: это проверка полученных, но еще не поддающихся абсолютной верификации результатов исследования повторными или параллельными исследованиями¹. Особенность судебного прогнозирования как раз и состоит в том, что при установлении истинности возрастает роль логических методов, хотя роль практики, как решающего критерия истинности знания, и здесь сохраняется в полном объеме.

Следует отметить, что само прогнозирование выполняет роль некоторого косвенного метода

¹ См.: Васильев Ю. А. В. И. Ленин и социальное предвидение, с. 213.

¹ См.: Прогнозирование в социологических исследованиях, с. 28.

проверки знания, ибо одной из его функций является проверка истинности гипотез¹.

Применение судом метода логического анализа для проверки достоверности прогностического знания выступает как процесс выведения одного знания, знания о будущем, из другого знания, знания о прошлом и настоящем, которое уже утверждено практикой². Решающее значение в этом случае имеет истинность исходных данных, полнота и глубина знаний суда о прошлом и настоящем осужденного. Подчеркивая это, Ф. Энгельс писал: «Если наши предпосылки верны и если мы правильно применяем к ним законы мышления, то результат должен соответствовать действительности»³. Теперь совершенно очевидны важность и практическая необходимость детального и комплексного изучения личности обвиняемого в судебном процессе. В многообразии форм проверки истинности судебного прогноза до его воплощения в жизнь центральное, ведущее место принадлежит науке. Искусство любого прогнозирования, в том числе и социального, состоит в том, чтобы, основываясь на объективных законах развития тех или иных явлений, суметь определить будущие качества, направление и характер развития этих явлений и вместе с тем суметь направить это развитие по научному руслу в соответствии с поставленной целью.

Таким образом, важно помнить, что методика проверки истинности судебного прогноза

являются не только экспериментальная проверка, но и научная обоснованность, логическая доказательность и т. д. Истинность прогностического знания суда о будущем результате уголовного наказания должна проверяться всей актуальностью указанных методов, каждый из которых тесно связан с практикой, является ее проявлением и получает свою дальнейшую конкретизацию и развитие применительно к специфике отдельных видов прогнозирования.

¹ См.: Виноградов В. Г. Научное предвидение, с. 174.

² См.: Методологические проблемы социального прогнозирования, с. 89.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 210, с. 629.

IV

МЕТОДЫ, СПОСОБЫ И СУБЪЕКТ СУДЕБНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Одним из наиболее важных и чрезвычайно трудных направлений развития теории и методологии прогнозирования судебной деятельности по назначению наказания является разработка методов познания будущих результатов принятого в настоящее время решения. Такое положение объясняется, как нам кажется, тем, что проблема классификации методов прогнозирования вообще, к сожалению, еще не решена, хотя развитие методологии и методики прогнозирования зашло так далеко, что сейчас возникла необходимость выделить особую отрасль — *прогностику*. Ее задача состоит в совершенствовании и развитии на основе материалистической диалектики и исторического материализма технологии прогнозирования, принципов организации прогнозных разработок. Естественно, что применение разрабатываемых в прогностике методов предполагает максимальный учет специфики объекта прогноза¹. Имеющиеся в специальной литературе попытки классификации методов относятся к отдельным отраслям прогнозирования, в первую очередь, к наиболее развитым — научно-техническому и экономическому². Советские

¹ См.: Шляпентох В. Как сегодня изучают завтра. М., 1975, с. 10.

² См.: Прогнозирование в социологических исследованиях. М., 1978, с. 86.

представители различных общественных наук называют множество методов социального прогнозирования. Так, например, В. Шляпентох «до двух сотен различных методов, с помощью которых можно приоткрыть завесу над грядущим»¹. Б. Ф. Зайцев и Б. А. Лапин же пишут, что в практике прогнозирования применяется около 130 методов². В целом социальное прогнозирование «сегодня» использует для изучения «завтра», в основном, социологические методы, экспертные оценки и математические модели³. Методической основой разработки и применения методов, способов судебного прогнозирования по назначению наказания, как и всякого научного познания, является марксистско-ленинская философия — всеобщий метод познания. В полном соответствии с ним, в целях познания будущих результатов судебного решения, могут применяться общенаучные и частнонаучные методы. Выполняя роль метода познания будущего, материалистическая диалектика имеет функциональное значение для прогнозирования любых социальных явлений и процессов, в том числе назначение наказания. Материалистическая диалектика является философским методом научно-технического познания, ее законы и категории служат основой синтеза знания, направляют мышление на поиск наиболее пло-

¹ Шляпентох В. Прогноз для себя. — Литературная газета. 1971. 1 января. С. 12.

² См.: Зайцев Б. Ф., Лапин Б. А. Организация планирования научно-технического прогресса. М., 1970, с. 79.

³ См.: Шляпентох В. Как сегодня изучают завтра, с. 14.

дотворных решений новых проблем¹. Диалектико-материалистический подход к социальным проблемам ориентирует на творческий анализ всех новых вопросов, выдвигаемых жизнью, позволяет предвидеть необходимые действия, направленные на реализацию программы развития явления, процесса². Таким образом, изучая процесс возможного изменения того или иного явления в будущем, диалектика выступает «как метод предвидения и целенаправленного действия»³. «Предвидение, с точки зрения диалектики, — пишет Л. Д. Никитин, — есть основанные на познании законов объективного мира знания о том, как будет изменяться данное явление в будущем»⁴.

Поскольку в методе выражается содержание изучаемого предмета, то применение диалектического метода в каждой науке имеет свои особенности, вызываемые особенностями предмета науки, которые делают также необходимым применение в ней и специальных методов в помощь основному методу — диалектическому⁵. Описание будущих результатов уголовно-

¹ См.: Копнин П., Лекторский В. Материалистическая диалектика — методологическая основа научного познания. — Коммунист. 1971, № 7. С. 88, 90.

² См.: Кедров Б., Микулинский С., Фролов И. Философско-социологические проблемы научно-технической революции. — Коммунист, 1971, № 4. С. 73.

³ Бауэр А., Эйхгорн В., Сечет В., Вюстник К. Философия и прогностика (пер. с немецкого). М., 1971, с. 44.

⁴ См.: Никитин Л. Д. Управление производством и марксистская диалектика — научное управление обществом. Вып. 3. М., 1969, с. 152.

⁵ См.: Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования, с. 139.

го наказания может осуществляться на разных уровнях и в разных формах познания. Каждая из таких форм представляет собой мысленное, чувственно-логическое или теоретическое отражение будущего. Исходя из вышеизложенного и общественных дефиниций, основанных на специальной литературе, посвященной исследованию метода, можно определить метод судебного прогнозирования по назначению наказания, как сложный прием (или совокупность простых приемов) теоретического исследования перспектив развития, или конечного результата конкретного уголовного наказания, как форму последовательных теоретических и практических подходов к разработке судебного прогноза на основе закономерностей процесса назначения и исполнения уголовного наказания и возможностей их познания. Прогнозирование будущего в судебной деятельности может быть разной степени гипотетичности — от крайне маловероятных до вполне достоверных, истинных.

В итоге необходимо заметить, что прогнозирование деятельности по назначению наказания должно осуществляться путем применения совокупности методов, которые вполне могут обеспечить процесс познания тенденций и закономерностей развития карательно-воспитательного воздействия как на лиц, совершивших преступление, так и на неустойчивых граждан нашего общества. Как бы суд добросовестно не исследовал дело в процессе судебного разбирательства и не индивидуализировал бы наказания, он никогда не сможет дать однозначный ответ на вопрос: достаточно ли этого карательно-воспитательного воздействия для до-

стижения тех целей, стоящих перед уголовным наказанием, так как его решение основано только на предположениях, догадках, внутреннем чутье, жизненном и профессиональном опыте. В таком случае суд, назначая наказание, свой вывод обосновывает только лишь опираясь на собственную интуицию. Что же такое интуиция и можно ли на нее надеяться?

В прогностическом смысле интуиция обозначает виды *восприятия* (быстрое отождествление, ясное понимание и способность интерпретации), *воображения* (способность представления, искусство сравнения и творческое воображение), *выводы умозаключений* (ускоренное умозаключение), *синтезирование* (обобщающая точка зрения), *понимание* (здравый смысл) и оценка¹. Вот эта совокупность мышления является основой при избрании судом вида и размера конкретного уголовного наказания.

Это связано с тем, что между моментом принятия решения и наступлением его результатов существует интервал во времени. А это значит, что в судебном решении интуитивный элемент неизбежен в предвидении при большом времени упреждения. Прежде чем назначить наказание суд старается мысленно вообразить себе будущее последствие своего решения, пытается построить себе целостное представление о будущем результате приговора. Но такой подход носит в себе некоторую опасность беспочвенного фантазирования. В связи с этим совершенно справедливо воз-

никает вопрос: является ли интуиция серьезным и одним из главных методов судебного прогнозирования? Конечно нет, ведь применение термина «метод» по отношению к интуитивным предвидениям, предсказаниям результатов уголовного наказания неправомерно. Здесь правильнее было бы употреблять термины — «способ», «средство», так как метод есть особый способ познания будущего, в котором содержатся какие-либо предписания, указания осуществить те или иные операции в том или ином порядке. Интуитивное же предвидение последствий судебного решения не основано на таких предписаниях. Метод и интуиция исключают друг друга: если обнаруживается метод решения задачи, которая раньше решалась интуитивно, то тем самым необходимость в интуиции в данном случае отпадает.

Предсказание, сделанное на основе интуиции, в значительной степени, как пишет М. Бунге, «дело фронезиса (практической мудрости), той мудрости, приобретение которой вознаграждает нас за наши неудачи»¹. Но нас интересует иная проблема: можно ли осуществить в судебной деятельности по назначению наказания предвидение, предсказание на основе интуиции суда, т. е. возможно ли интуитивное познание будущих результатов уголовного наказания? «В повседневной жизни, — пишет А. Р. Ратилов, — мы постоянно сталкиваемся с такими явлениями, когда по ничтожным признакам, при очень малом исходном материале возника-

¹ См.: Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования, с. 158.

¹ Бунге М. Интуиция и наука (пер. с английского). М., 1967, с. 139.

ют правильные догадки, достоверность которых устанавливается последующей проверкой»¹. Но при всем значении интуиции в предвидении следует подчеркнуть, что непосредственное осуществление предвидения представляет собой прежде всего логический вывод из известных законов, теорий, гипотез².

Для интуиции, как средства судебного предвидения (предсказания), характерно прежде всего то, что основания в нем явно не формируются. Больше того, самому суду порой представляется будто здесь вовсе нет никаких оснований. А это приводит к тому, что суд, назначив то или иное конкретное уголовное наказание, остается неуверенным в правильности и целесообразности своего решения. Другой существенной особенностью является то, что познание будущих результатов уголовного наказания осуществляется без соответствующей логики. И это естественно, ибо логически связанными могут быть лишь такие положения, которые явно выражены, а, как мы ранее отметили, про основания интуитивного судебного предвидения этого сказать нельзя. Третья особенность состоит в том, что интуиция в судебной деятельности по назначению наказания зависит от многих случайных, варьирующих обстоятельств, в частности от таких субъективных качеств судьи, как гибкость ума, воображения, профессиональный и жизненный опыт, интуитивное «чутье» и т. д. Поэтому применительно к интуитивному судебному предвидению трудно употреблять вы-

ражение «мера гипотетичности», ибо сколь-нибудь точно установить и измерить степень гипотетичности вряд ли возможно. М. Бунге пишет, что «ученые ценят интуицию, в особенности творческое воображение, ускоренное умозаключение и фронезис, но не рассчитывают на нее. Им известно, что психологическая самоочевидность не гарантирует истины, что интуиция в высшей степени индивидуальна и что она часто разыгрывает злые шутки. Интуитивность — не критерий для построения и оценки научных теорий»¹. Несмотря на существенные недостатки интуиции, суду не следовало бы недооценивать ее роль в судебной деятельности по назначению справедливого и эффективного наказания, ибо, как справедливо пишет английский физик А. Кларк, «для предвидения будущего нужно обладать логикой, но, кроме того, нужны еще и вера, и воображение, способные подчас пренебречь даже самой логикой»².

К интуитивному судебному прогнозированию очень близко прогнозирование, основанное на умозрительном мышлении, являющемся не аналитическим, а синтетическим предсказанием будущих результатов уголовного наказания. Умозрительное мышление приводит судью к предположению или предвидению множеств свойств, явлений, которые иначе в процессе прогнозирования судебной деятельности не могут быть открыты. Например, судьи предполагают, что подсудимый в самом ближайшем будущем в местах лишения свободы готов встать на путь исправления и перевоспитания.

¹ Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М., 1967, с. 133—134.

¹ Бунге М. Интуиция и наука. М., 1967, с. 143.

² Кларк А. Черты будущего. М., 1966, с. 34.

Важнейшая особенность умозрительного мышления применительно к судебному прогнозированию при назначении наказания состоит в том, что с его помощью могут быть предсказаны результаты уголовного наказания, лишь впоследствии (в будущем) получающие логическое и экспериментальное обоснование, предвидеть возможные тенденции и закономерности изменения поведения подсудимого в предстоящий период.

При всем значении интуиции в предвидении следует подчеркнуть, что непосредственное осуществление научного предвидения результатов уголовного наказания в процессе судебной деятельности представляет собой прежде всего *логический* вывод из известных законов, теорий. Подчеркивание логического аспекта в научном предвидении отделяет его, с одной стороны, от научных открытий, с другой стороны, — от предвидения, осуществляемого в процессе повседневной деятельности¹. Прогнозирование (научное предвидение, основанное на логическом мышлении — на логике) все-таки не дает возможности судьям надеяться на стопроцентную точность.

В. П. Тугаринов и Т. М. Румянцева отмечают: «Конечно, логическая необходимость еще не гарантирует нам действительную «натуральную» необходимость. Действительность «хитрее» всякой логики. Однако законы логики — суть, отраженные законы действительности»². Поэтому логически правильно сделанное

предположение дает судьям право с большей степенью вероятности рассчитывать (и ничего более) и на осуществление этого предположения в настоящей и будущей действительности.

Логические выводы, как известно, подразделяются на две большие категории — дедуктивные и индуктивные. В соответствии с этим все предвидения можно также разделить на дедуктивные и индуктивные¹. Следовательно, логической значимостью для суждений о будущем результате наказания обладают и дедуктивные и индуктивные (от частного к общему) заключения судей.

При этом надо иметь в виду, что «индуктивные суждения не могут охватить опыт полностью, исчерпать его»². В этом смысле, как указывали классики марксизма, они всегда неполны (ибо опыт всегда не закончен), а потому и «ненадежны». Они могут не учитывать таких сторон или свойств явлений, которые существуют или проявятся в будущем.

Дедуктивные же заключения по самой своей природе предполагают полный охват опыта в определенном масштабе. Поэтому они могут претендовать на вполне достоверный и однозначный характер.

В практике судебной деятельности по назначению наказания в качестве основы прогнозирования может использоваться *гипотеза*.

Гипотеза — это особого рода научное предположение о неизвестных явлениях, формах их

¹ См.: Виноградов В. Г. Научное предвидение. М., 1973, с. 9.

² Тугаринов В. П., Румянцева Т. М. Предвидение и современность. Л., 1976, с. 111—112.

¹ См.: Никитина А. Г. Предвидение как человеческая способность, с. 115.

² Тугаринов В. П., Румянцева Т. М. Предвидение и современность. Л., 1976, с. 112.

связи или причинах, их вызывающих. Гипотеза выделяется для обеспечения имеющих фактов.

Предположение в гипотезе может носить характер предвидения, но может претендовать и на роль научного открытия. Субъектом гипотезы в судебном прогнозировании являются судьи. Главное, что характеризует гипотезу судьи — это активное стремление выйти за грань накопленных фактов в процессе судебного следствия, осмыслить и сформулировать будущее уголовного наказания. При этом судьи знают, что объективная истинность будущих результатов наказания, которые они стремятся предвидеть посредством гипотезы, еще не доказана в силу вероятности характера будущего. В процессе судебного прогнозирования по назначению наказания следует «использовать» гипотезы прогнозирующего типа, обязательным элементом которых является некоторое предсказание, предвидение.

Такие гипотезы имеют сложный характер, так как прежде чем прогнозировать будущий результат того или иного судебного решения, надо обязательно раскрыть механизм психологического воздействия уголовного наказания на лицо, которое совершило преступление, т. е. высказать предположение относительно того, как в дальнейшем, в будущем поведет себя подсудимый в процессе карательно-воспитательного воздействия.

Как видим, ядро гипотезы — предположение, которое играет роль предпосылки умозаключения.

Таким образом, гипотеза играет исключительно важную роль в судебном прогнозировании.

Поэтому наши судьи должны уметь пользоваться этим способом прогнозирования. М. Бунге пишет: «...Без способности придумывать гипотезы и планы нельзя выполнять ничего, кроме «механических» операций, то есть манипулирования аппаратами и применения вычислительных алгоритмов»¹.

Одним из способов познания будущих результатов уголовного наказания может служить предвидение по аналогии, сущность которой состоит в следующем. Известно, что два объекта обладают одинаковыми существенными свойствами. Кроме того, один из объектов обладает такими свойствами, которые у другого еще непосредственно не обнаружены. Тогда делается предположение (т. е. фактически предсказывается), что и второй обладает этими же свойствами². Таким образом, под аналогией обычно понимают сходство предметов (явлений, событий) в каких-либо признаках или отношениях³. Аналогия в науке играет большую роль, так как подчас наталкивает исследователей на весьма важные догадки.

Чем больше ситуаций из опыта прошлого, тем более точным будет результат предвидения по аналогии.

Определяя на основании сходства тех или иных признаков объектов по другим признакам, можно от тождества в отдельных частных признаках перейти к тождеству более общего

¹ Бунге М. Интуиция и наука (пер. с английского). М., 1967, с. 109.

² См.: Никитина А. Г. Предвидение как человеческая способность, с. 80.

³ См.: Философская энциклопедия, т. 1. М., 1960, с. 56—57.

порядка. Именно таким путем делаются отдельные прогностические выводы. Аналогия с уже в прошлом рассмотренными делами помогает суду предсказать более точно, как будет протекать процесс исправления и перевоспитания в будущем.

Следует учитывать, что прогностические выводы по аналогии бывают правильными тогда, когда учитываются присущие каждому из сравниваемых ситуаций качественные характеристики, определяющие специфику взаимодействия этих ситуаций. Аналогия, строящаяся на основании сходства некоторых внешних несущественных сторон, явлений, не является научной и ведет к ошибкам¹. Однако, несмотря на то, что предвидение по аналогии нередко приводит к важнейшим открытиям, его тоже нельзя назвать вполне совершенным и точным видом предвидения. Дело в том, что те признаки явлений, отождествление которых в данном случае составляет основу предвидения, могут при дальнейшем исследовании оказаться искусственными, служебными².

Тем не менее «предвидение по аналогии представляет собой более высокую ступень развития предсказывающей способности человека по сравнению с предвидением на основе простой повторяемости явлений»³. Поэтому оно может смело использоваться в судебной деятельности по назначению наказания.

¹ См.: Будущее человеческого общества. М., 1971, с. 68.

² См.: Никитина А. Г. Предвидение как человеческая способность, с. 81.

³ Там же, с. 80.

Субъект судебного прогнозирования по назначению наказания

Возможность и практическая необходимость прогнозирования в судебной деятельности при избрании вида и размера наказания ставит перед нами другой вопрос: кто должен заниматься индивидуальным судебным прогнозированием при назначении наказания? Некоторые авторы считают, что уже в настоящее время судами проводится определенная работа в этом направлении¹. Так, немецкий ученый И. Лекмесс одну из основных задач суда видит в прогнозировании поведения обвиняемого. Он утверждает, что решение органа общественного правосудия есть своего рода прогноз: пригодна ли принятая мера для исправления правонарушителя и что можно ожидать от ее применения². Такого же мнения придерживается и М. Д. Шаргородский: «Судья и суд в целом выполняют при рассмотрении уголовного дела две функции: одной из них является юридическое суждение о наличии или отсутствии состава в деянии подсудимого, другой — прогноз, который должен иметь место при определении меры наказания, режима колонии и т. д.»³. При этом автор уточняет свое мнение:

¹ См.: Аванесов Г. Индивидуальное прогнозирование в судебной практике. — Советская юстиция. 1971. № 23. С. 11; Шаргородский М. Д. Прогноз и правовая наука. — Правоведение. 1971. № 1. С. 49; Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978, с. 16.

² Цит. по статье Туманова Г., Шергина А. Криминологические исследования в ГДР. — Советская юстиция. 1969. № 21. С. 31—32.

³ См.: Шаргородский М. Д. Указ. раб., с. 49.

«Следует полагать, что при существующем положении вещей прогноз, который только судом и притом интуитивно, не соответствует тем данным, которые уже сейчас достигнуты наукой о человеке и обществе»¹. Но для того, чтобы такой прогноз стал научным, М. Д. Шаргородский предлагает интуицию суда дополнить достижениями «науки о человеке и обществе»². Он пишет: «Чтобы этот прогноз был по возможности правилен, необходимо сотрудничество суда с психологами и педагогами»³. С этим соглашается и Р. А. Сафаров, по мнению которого существенная роль в решении этого вопроса должна принадлежать прогностике, результаты которой следует применить и в области судопроизводства⁴. Исходя из этого сторонники рассматриваемой позиции пытаются превратить приговор суда в прогноз. «Поскольку мы считаем целью наказания не кару, а ресоциализацию, приговор должен быть в значительной своей части прогнозом, выводом суда о том, что принимаемая мера такую ресоциализацию способна обеспечить в максимальной степени»⁵. Более конкретные практические рекомендации по этому поводу дает Г. А. Аванесов: «Думается, что вывод о возможном будущем поведении должен найти место в мотивированной части приговора»⁶. Итак, существует точка зрения, относительно

¹ См.: Шаргородский М. Д. Указ. раб., с. 49.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Право и социология, с. 101.

⁵ Шаргородский М. Указ. раб., с. 49.

⁶ Аванесов Г. А. Индивидуальное прогнозирование в судебной практике, с. 12.

которой суд при назначении наказания занимается индивидуальным прогнозированием. Других мнений по этому вопросу пока в советской юридической науке нет. Со сторонниками подобной позиции можно согласиться с некоторыми оговорками и дополнениями. По нашему мнению, деятельность суда в выборе вида и размера наказания в настоящее время не носит прогностического характера. И как бы суд не применял результаты других наук, в том числе и прогностики в области судопроизводства при назначении наказания, решение суда останется предсказанием, в форме предчувствия или предугадания, не имеющим под собой научную основу. Судебное прогнозирование при назначении наказания должно охватывать два этапа:

1) процесс получения и анализа информации относительно будущих результатов конкретно наказания;

2) практическое использование данной, уже обработанной информации для принятия соответствующего решения. Исполнение первого этапа работы требует достаточно много времени и специального исследования. Поэтому возложить в обязанность суда заниматься подобной работой представляется не только нецелесообразным, но и практически невозможным. Значит, необходимо создать специальный орган или группу, занимающуюся сбором, обработкой необходимой информации о будущих последствиях наказания, в частности, характеризующего будущее поведение конкретного осужденного в процессе исправительно-трудового воздействия. Представляется целесообразным и практически возможным для достиже-

ния подобной цели создать специальную психолого-педагогическую экспертную группу. Такая группа должна быть немногочисленной. В ее состав необходимо включить педагога и психолога. Важнейший критерий отбора группы — степень компетенции эксперта.

Подобная психолого-педагогическая экспертная группа должна быть создана на базе экспертного учреждения с соответствующими правами и обязанностями. Следовательно на предварительном следствии обязан назначить психолого-педагогическую экспертизу, особенно тогда, когда подсудимый совершил тяжкое преступление и ему может быть назначено длительное лишение свободы. Заключение экспертной группы вместе с уголовным делом направляется в суд и является лишь материалом для суда, точно так же, как данные других видов экспертиз, и не решает каких-либо правовых вопросов. Психолого-педагогическую экспертизу, кроме следователя, прокурора, может назначить сам суд, если он сочтет это необходимым. Окончательный прогноз содержится в приговоре суда, и, следовательно, именно он может быть субъектом прогнозирования.

V

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СУДЕБНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

Как известно, одной из целей уголовного наказания является частная превенция, сущность которой заключается в предупреждении совершения новых преступлений со стороны осужденного. Поэтому при оценке достижения этой цели в качестве критерия необходимо рассматривать не преступное поведение осужденного в период отбывания наказания. Для достижения цели частного предупреждения большое значение имеют не только вопрос о том, что наказание — есть неизбежное следствие преступления, но и вопрос, какое наказание — суровое или мягкое назначено преступнику¹. Следовательно, суд при определении вида и размера наказания обязан не только дать конкретную оценку степени общественной опасности преступления и личности преступника, но сделать вывод о том, какое именно уголовное наказание будет максимально целесообразным и справедливым для достижения частно-предупредительной цели. На прогнозе поведения (мотивов) подсудимого обязан основывать свои предложения также прокурор, предлагающий осудить виновного к той или иной мере наказания.

А это значит, что суд и прокурор при выборе

¹ См.: Корнеев И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973, с. 156.

вида и размера наказания обязаны знать, как может повести себя подсудимый в будущем, какими мотивами он будет в своем поведении руководствоваться, отбывая наказание. Таким образом, при индивидуальном судебном прогнозировании — достижение цели частного предупреждения, речь должна идти об изучении будущего поведения подсудимого в процессе отбывания наказания, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Процесс такого прогнозирования начинается со стадии подготовительного заседания судебной деятельности и продолжается до вынесения приговора. В связи с этим необходимо остановиться еще на одном вопросе. Зависимость результатов уголовного наказания от условий будущего приводит к тому, что уже в момент его назначения порождается необходимость будущего его корректирования. Оно осуществляется на основе появившихся и возникших обстоятельств, фактов (но не вновь открытых) после вынесения приговора, в процессе его реализации. Такие факты породила реализация приговора. Их появление не может оставить решение о наказании без изменения, — иначе будет затруднено достижение целей наказания¹. Появление таких обстоятельств не свидетельствует о незаконности приговора и корректирование последнего требуется не в связи с ошибочностью его решения о наказании, а вследствие незнания условий будущего, в котором будет происходить реализация уголовного наказания.

А. С. Михлин пишет: «Суд понимает, что ре-

шает задачу с рядом неизвестных, но исходит из необходимости ее решения. Трудность его положения заключается еще и в том, что, назначив недостаточное наказание, он предопределяет освобождение неисправившегося преступника, который может совершить новое преступление, причинить дополнительный вред интересам государства и граждан. С другой стороны, назначение слишком длительного наказания приведет к тому, что в местах лишения свободы будут находиться лица, в отношении которых цели наказания уже достигнуты. Этим будет нарушен принцип экономии репрессии. Законодатель понимает трудности, стоящие перед судом, и предусматривает возможность корректировки наказания в стадии его исполнения»¹.

Могут быть различные причины для корректирования приговора.

Во-первых, продолжительность назначенного наказания может быть прервана: а) если осужденный докажет свое исправление и перевоспитание до истечения назначенного ему срока наказания и условно-досрочно освободится; б) по болезни, по амнистии и помилованию.

Во-вторых, может быть изменено содержание назначенного судом наказания: а) при замене неотбытой части наказания более легким, если осужденный докажет, что исправился; б) при условном освобождении осужденно-

¹ См.: Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978, с. 17.

¹ Михлин А. С. Условное и условно-досрочное освобождение: соотношение, применение и правовая природа. — В кн.: Проблемы совершенствования исправительно-трудового законодательства и деятельности органов, исполняющих наказание. М., 1981, с. 65.

го с обязательным привлечением к труду; в) при изменении условий содержания лиц, осужденных к лишению свободы, в зависимости от поведения и отношения к труду, как в пределах одного ИТУ, так и путем перевода в другие ИТУ. Назначение не подлежащего корректированию, изменению в будущем наказания на целые годы является нецелесообразным и неэффективным.

«Социолог, юрист, врач — нарколог или психиатр, — прогнозирующие поведение конкретных лиц, должны быть всегда готовы к пересмотру своих предположений, не подтверждающихся в действительности. Прогноз ни в коем случае не может заменить конкретных оценок фактического поведения, он только помогает построить версии о возможном (наиболее вероятном) поведении данного человека в будущем, с тем, чтобы вовремя принять профилактические меры»¹.

В первую очередь, конечно, прогноз суда направлен на то, чтобы определить возможное преступное поведение подсудимого после назначения наказания.

Однако этого еще недостаточно, ибо задача индивидуального судебного прогнозирования сводится не только к предсказанию ожидаемого поведения подсудимого, но и к установлению факторов (условий, ситуации, обстоятельств), которые бы способствовали или, наоборот, могут препятствовать правильной организации процесса исправительно-трудового воздействия.

¹ Социальные отклонения. Введение в общую теорию. М., 1984, с. 151.

В индивидуальном судебном прогнозировании упор делается именно на *индивидуальность*.

Г. А. Аванесов отмечает: «...Индивидуальное прогнозирование основывается на неповторимой индивидуальности конкретной личности и относительной самостоятельности ее поведения, но поведения не в «застывшем» виде, а в «движении» от прошлого к настоящему и от него к «будущему»¹. Особо следует подчеркнуть, что при судебном прогнозировании речь должна идти не об однозначном прогностическом выводе, а о вариантах возможного будущего поведения подсудимого.

С точки зрения практических возможностей прогнозирования социального поведения подсудимого мы ставим перед собой задачу выявить «прогностическую ценность» информации о различных состояниях предрасположенности осужденного к определенному поведению в специфически заданных условиях.

Поэтому если индивидуальное судебное прогнозирование рассматривать как процесс предвидения будущего поведения отдельного человека, то индивидуальный прогноз — научно обоснованная информация, содержащая количественно-качественную характеристику будущего поведения личности. Судебный приговор, в первую очередь, обращен в будущее, и его необходимо рассматривать как предписание поместить осужденного в такие условия, в рамках которых определенное судом карательно-воспитательное воздействие будет це-

¹ Аванесов Г. А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980, с. 381.

лесообразным и достаточным для достижения всех целей наказания, в том числе частнопредупредительной. Вот почему получение научно обоснованной информации, содержащей качественную и количественную характеристику будущего поведения подсудимого, является исключительно важным в судебной деятельности по назначению наказания.

Прогнозирование социального поведения подсудимого в процессе отбывания наказания — область чрезвычайно сложная уже в силу многостороннего характера объекта.

Проблема прогнозирования индивидуального поведения (индивидуальное прогнозирование) все больше и больше привлекает внимание представителей общественных наук.

Ученые разных стран ведут оживленные дискуссии по поводу проблемы прогнозирования поведения индивида в той или иной ситуации. При этом делаются попытки разработать индивидуальные «планы» развития личности, «проектировать личность», выявить особенности поведения личности в различных ситуациях и ее психологическую направленность и т. д.¹

Центральная идея многочисленных работ, выполненных в этой области, — попытка объяснить и предсказать особенности поведения индивида, исходя из его предрасположенности или диспозиции к восприятию и оценке некоторой ситуации, готовности действовать в ней

¹ См.: Константиновский Ф. Л., Шубкин В. П. Личные планы и их реализация. — Вопросы философии. 1970. № 7; Осипов Г. В. Некоторые проблемы теории личности. Соотношение исследования. Вып. 3, 1970 и др.

определенным образом¹. Но возможно ли это? По мнению А. Грюнбаума, «поведение человека, направленное сознанием, находится вне сферы компетенции науки»². Как видно, эта позиция полностью отрицает возможность индивидуального прогнозирования. Большинство ученых придерживаются противоположной точки зрения. Так, например, Т. Шибутани относительно прогнозирования поведения человека пишет: «...его явное поведение обычно можно предвидеть достаточно, ибо он охотно подчиняется групповым стандартам»³. К такому же выводу приходит и Б. Ф. Парыгин: «...В зависимости от числа факторов, определяющих подвижность или устойчивость настроения присущих тому или иному индивиду, можно более или менее обоснованно прогнозировать поведения последнего в ситуации, предъявляющей высокие требования к психической уравновешенности личности»⁴.

В юридической литературе некоторые авторы уже высказывали свои соображения о необходимости разработки криминологических моделей прогноза⁵. Однако проблема индиви-

¹ См.: Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Под ред. Ядова. Л., 1979.

² Грюнбаум А. Свобода воли и законы человеческого поведения. — Вопросы философии. 1970. № 6. С. 62.

³ Шибутани Т. Социальная психология (сокр. пер. с английского). М., 1969, с. 164.

⁴ Парыгин Б. Ф. Основы социально-психологической теории. М., 1971, с. 152.

⁵ См.: Ляхов И. И. Об одном способе прогнозирования социального поведения. Моделирование социальных процессов. М., 1970, с. 209; Кудрявцев В. И. Причинность в криминологии. М., 1968, с. 161, 192; Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования. М., 1972, с. 264—285.

дуального прогнозирования поведения подсудимого в процессе исполнения наказания никогда не была предметом теоретических исследований. Достижения современных наук — психологии, педагогики, социологии, генетики, кибернетики — позволяют нам в каждом конкретном случае составить прогноз относительно эффективности той или иной меры наказания, посредством познания поведения лица, совершившего преступление в ближайшем будущем, хотя бы в общих чертах. Такой вывод основывается на том, что прогнозирование изменений в потребностях, мотивах человека в результате того или иного конкретного уголовного наказания позволяет познать, изучить будущие перемены в видах деятельности подсудимого. Хотелось бы отметить, что во Франции, например, в некоторых случаях, а именно, когда речь идет о назначении сурового наказания, или, наоборот, об отсрочке исполнения наказания (в особенности с назначением испытательного срока), судьи поручают экспертам до вынесения судебного решения изучить личность преступника и высказать свое мнение о возможном поведении его в будущем («прогностическая информация»). Аналогичная практика существует в Бельгии, Англии, США, ФРГ и некоторых других странах. Здесь в случаях, специально предусмотренных законом, составление индивидуального прогноза — это не предоставленное судье право, а возложенная на него обязанность.

К соответствующим документам судья обязан приложить «индивидуальный прогноз»¹.

¹ См.: *Марк Ансель*. Новая социальная защита (пер. с французского). М., 1970, с. 206—208, 231, 251.

Итак, не может быть возражений против того, что предвидение возможного поведения личности, особенно поведения подсудимого, — задача сложная. Однако возникающие при этом трудности можно преодолеть посредством глубокого изучения личности, механизма поведения человека, путем внешних и внутренних факторов. Оценивается именно личность подсудимого, его прошлое и настоящее поведение и прогнозируется возможное поведение в будущем в процессе исполнения наказания. Не вызывает сомнений, что совместными усилиями юристов, психологов, педагогов и кибернетиков можно разработать систему таких показателей, которые дадут возможность получения достаточно точного прогноза поведения отдельного лица, освобождаемого из мест лишения свободы, отбывшего срок или условно-досрочно, а также подсудимого, в отношении которого применяется уголовное наказание.

Теперь перед нами стоит, пожалуй, самый трудный вопрос: какой собственно предмет подлежит анализу? Что конкретно следует прогнозировать: отдельные акты поведения подсудимого, поступки, систему поступков, деятельность в целом?

По поводу того, как должна изучаться личность при прогнозировании ее поведения и какие факторы необходимо учитывать в процессе индивидуального прогнозирования, ученые и практические работники высказывают различные мнения. Так, например, А. А. Герцензон считает, что критерием для индивидуального прогнозирования в отношении осужденного служит отношение осужденного к труду, участие в культурно-воспитательной работе, со-

блюдение режима и т. д.; учитывается также та среда, в которую возвратится освобожденный, его прошлые связи и проч.¹ Другие авторы полагают, что учет только этих, отмеченных обстоятельств при индивидуальном прогнозировании недостаточен.

Так, В. Н. Кудрявцев пишет: «...Перспективные направления индивидуального прогнозирования могут открываться, если будет решена проблема измерения социальных и индивидуальных свойств личности правонарушителя: глубины его антиобщественных взглядов, интенсивности (направленности) жизненной ситуации, полноты предвидения последствий своего поведения и др.»². А. Д. Глоточкин и В. Ф. Пирожков отмечают, что знание причин возникновения и динамики различных психических состояний человека позволяет выделять типичные психические состояния, повторяющиеся в сходных обстоятельствах, и тем самым предвидеть с достаточной достоверностью поведение заключенного в тех или иных условиях³. Наконец, Г. А. Аванесов выступает за установление разумных пределов изучения личности при прогнозировании индивидуального антиобщественного поведения⁴. Он пишет: «Более того, при индивидуальном прогнозировании не преследуется цель предсказать на

«любое» поведение, а лишь такое, которое интересует субъектов прогнозирования»¹.

Представляется, что подобные рекомендации не могут быть использованы при индивидуальном прогнозировании частнопредупредительной цели, ибо они позволяют нам познать только внешнюю сторону будущего поведения подсудимого, которая складывается из совокупности положительных и отрицательных поступков, а не отражают мотивы поведения. Между тем Ф. А. Кикнадзе утверждает, что «человек нигде не виден так ясно и полно, как в мотиве поведения»². Чтобы понять, изучить будущее поведение подсудимого в процессе исполнения наказания, недостаточно знать объективную систему его ролей. Нужно, как отмечает И. С. Кон, также понимать их внутреннюю структуру, их смысл и удельный вес в его собственных глазах, выяснить психологическую доминанту его личности³. Речь в данном случае идет о социальном и психологическом изучении индивида, его личностных свойств. По мнению С. Л. Рубинштейна, в качестве собственноличностных свойств из всего многообразия свойств человека обычно выделяют те, которые обуславливают общественно значимое поведение или деятельность человека⁴. Однако в связи с этим он напоминал также и о существовании психического аспекта личности: «Психический аспект личности не

¹ См.: Герцензон А. А. Актуальные проблемы советской криминологии. — Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 6. 1967, с. 25.

² Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии. М., 1968, с. 165.

³ См.: Глоточкин А. Д., Пирожков В. Ф. Психические состояния человека, лишённого свободы. М., 1968, с. 3.

⁴ См.: Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования, с. 272.

¹ См.: Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования, с. 272.

² Кикнадзе Ф. А. Потребности, поведение, воспитание. М., 1968, с. 51.

³ См.: Кон И. С. Социология личности. М., 1967, с. 36.

⁴ См.: Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 309.

рядоположен с другими; психические явления органически вплетаются в целостную жизнь личности, поскольку основная жизненная функция всех психических явлений и процессов заключается в регуляции деятельности людей. Будучи обусловлены внешними воздействиями, психические процессы определяют поведение, опосредствуя зависимость поведения субъекта от объективных условий»¹.

Таким образом, прогнозирование мотивации занимает центральное место в понимании механизма будущего поведения подсудимого при исполнении уголовного наказания, выявление закономерностей которого дает возможность всесторонне раскрыть сущность и значение всех других факторов деятельности преступника.

Классики марксизма специально подчеркивали роль мотивационной системы как объективно действующего фактора детерминации человеческого поведения. Ф. Энгельс писал: «Все, что побуждает человека к деятельности, должно проходить через его голову»².

В. Г. Асеев подчеркивает: «Мотивация как движущая сила человеческого поведения, безусловно, занимает ведущее место в структуре личности, пронизывая ее основные структурные образования: направленность личности, характер, эмоции, способности, деятельность и психические процессы»³.

«Именно то, что особенно значимо для человека, — писал С. Л. Рубинштейн, — выступает

¹ См.: Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 311.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 230.

³ Асеев В. Г. Мотивация и формирование личности. М., 1976, с. 9.

в конечном счете в качестве мотивов и целей его деятельности и определяет стержень личности»¹.

Как социально-психологическое явление мотивы человека охватывают его социальные ориентации и идейные убеждения, затрагивают стратегическую организацию его поведения, играют роль действенной силы в целенаправленной мобилизации духовного потенциала и творческих сил личности. Исключительно велико значение мотивов в формировании целостной личности, которой свойственно единство образа мышления и поведения, идейной убежденности и социальной активности. Что же такое мотивация? В социологической и психологической литературе мотив определяется как осознанная побудительная сила, направляющая деятельность и поведение человека на удовлетворение его определенных потребностей.

С. Л. Рубинштейн, например, писал: «Мотивация — это через психику реализующая детерминация»².

Болгарский ученый В. Вичев подчеркивает, что «мотив означает сознательное и глубокое личностное «почему» данного действия. Он раскрывает соотношение между внутренним и внешним, между потребностями и их объектами»³.

Термин «мотивация поведения» использует-

¹ Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946, с. 620.

² Рубинштейн С. Л. Человек и мир. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1969, с. 370.

³ Вичев Васил. Мораль и социальная психика. М., 1978.

ся то в более узком, то в более широком смысле слова.

В узком смысле слова — это мотивация конкретных форм поведения человека. В широком смысле слова под мотивацией поведения подразумевается совокупность тех психологических мотивов, которыми определяется поведение человека в целом¹.

Мотивы будущего поведения подсудимого, как идеальные побудительные силы, формируются на основе потребностей. Поэтому если прогнозирование мотивов поведения позволяет нам понять, как подсудимый намерен вести себя в специфических условиях (в процессе исполнения наказания), то знание потребностей и интересов раскрывает источники его побуждений, основу будущей избирательности и направленности деятельности. Следовательно, прогнозирование потребностей подсудимого приобретает особое значение.

При индивидуальном прогнозировании достижения частного предупреждения речь должна идти не об однозначном прогностическом выводе, а о вариантах возможного будущего поведения подсудимого, ибо всякий социальный прогноз — это прогноз вероятностей, а когда речь идет о прогнозе индивидуального поведения, то это должно быть учтено в наибольшей степени. Поэтому невозможен никакой индивидуальный прогноз суда, рассчитанный на то, чтобы точно сказать, как будет себя вести данный подсудимый после вынесения приговора, например, через год или два,

¹ См.: *Якобсон П. М.* Психологические проблемы мотивации поведения человека, М., 1969, с. 12.

в какой-то конкретной жизненной ситуации. «Такое «предсказание», как правильно утверждает В. Н. Кудрявцев, «основывалось бы на фаталистических представлениях о поведении человека, рассматривало бы его как «игрушку» судьбы или, что еще хуже, выводило бы поступки человека из его прирожденных особенностей»¹. Поэтому вряд ли можно согласиться с теми, кто считает, что «органы прокуратуры, суда, мест лишения свободы делают во многих случаях правильные выводы о дальнейшем поведении лица, о его общественной опасности, о том, что оно исправилось и т. д.»². И. И. Карпец пишет: «...Но практические работники, особенно уголовного розыска, почти безошибочно прогнозируют преступное поведение отдельных людей. То же самое можно сказать и о работниках исправительно-трудовых учреждений»³. Представляется, что такое категорическое утверждение, не имеющее под собой твердую научную основу, может оказать отрицательное влияние на работу правоохранительных органов. Поэтому следует согласиться с Г. З. Анашкиным: «Как бы индивидуально и справедливо ни подходил суд при назначении наказания, он не в состоянии прогнозировать в полной мере поведение осужденного во время отбывания наказания и доста-

¹ *Кудрявцев В. Н.* Причинность в криминологии. М., 1968, с. 163.

² *Шаргородский М. Д.* Наказание. Его цели и эффективность. Л., 1973, с. 105—106. См.: также *Карпец И. И.* Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976, с. 148.

³ *Карпец И. И.* Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976, с. 148.

точно точно определить срок, необходимый для исправления и перевоспитания»¹. Мы можем говорить о большей или меньшей вероятности того, что данный человек поступит так, а не иначе; что от одного лица с большим основанием можно ждать хорошего поступка, чем от другого и т. д. Но утверждать, что «работники уголовного розыска почти никогда не ошибаются, например, в том, пойдет ли вновь на совершение преступления человек, если он возвращается в ту среду и атмосферу, которая привела его к преступлению»², — всего-навсего необоснованное предположение.

Индивидуальное прогнозирование в судебной деятельности по назначению наказания — это *научное* предсказание возможного поведения подсудимого в процессе исполнения наказания в течение того времени, к которому он осужден.

Следует указать, что у каждого подсудимого в процессе отбывания наказания окажется не одно кем-то или чем-то предопределенное будущее, а множество вероятно «будущих», из которых должно быть реализовано в конечном счете только одно. К этому «одному будущему» осужденный придет в результате взаимодействия разнообразных факторов. Поэтому задача сводится не только к прогнозированию возможного поведения подсудимого, но и к установлению факторов, определяющих наиболее вероятный вариант его будущего поведения.

¹ Анашкин Г. З. Новый важный этап дальнейшего совершенствования советского уголовного законодательства. — В сб.: Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 39, 1983, с. 13—14.

² Карпец И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976, с. 148.

ния. К числу таких факторов, как показывают материалы конкретных исследований, относятся: среда, в которой будет находиться в будущем подсудимый, его социальная и психологическая активность, определяемая интересами и готовностью жить так, а не иначе¹. Для прогнозирования поведения каждого подсудимого суду необходимо знать настроение, стремление, поведение среды (группы, микросферы), в которую он должен войти. Такой вывод вытекает из положения о том, что, осуществляя ту или иную деятельность, индивид должен учитывать изменения внешней среды, способные вмешиваться в достижения промежуточных и конечных целей. Ряд изменений среды в процессе исполнения наказания может вызвать смену действий или операций: некоторые изменения могут позволить сократить или добавить число действий и операций; ряд изменений, не влияя на содержание деятельности и комплекс действий и операций, может отвлекать осужденного от основной в данный момент деятельности, заставляя решать другие, побочные задачи².

Следовательно, чтобы составить индивидуальный прогноз достижения цели частного предупреждения с учетом среды, в которой может оказаться подсудимый, надо, по крайней мере, знать: а) какие возможности деятельности предоставит ему социальная среда во время отбывания наказания; б) какую из

¹ Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования, с. 293.

² См.: Иванников В. А. Поведение человека в ситуации выбора. — В сб.: Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М., 1977, с. 112.

Возможностей¹ номерен выбраться сам подсудимый; в) какие изменения, способные в значительной степени сдерживать или, наоборот, ускорить эффективность исправления и перевоспитания, могут произойти под влиянием различных обстоятельств в процессе реализации судебного приговора. Изучение микросреды целесообразно проводить, как подчеркивает Г. А. Аванесов, в социально-психологическом, педагогическом и криминологическом аспектах¹.

Большое внимание прогнозированию изменений среды и учету ее возможных воздействий на успешность достижения цели уделялось Н. А. Бернштейном в его компетенции организации активных поведенческих актов, получивших название «физиология активности».

Изучая организацию двигательных действий, Н. А. Бернштейн показал необходимость «заглядывания» вперед при осуществлении движений, необходимость учета будущих внешних и внутренних сил, необходимость предварительной настройки (подготовки) органов чувств и двигательных систем².

В итоге хотелось бы подчеркнуть, что прогнозирование желаемого поведения подсудимого в процессе исполнения наказания, соответствует его интересам, стимулирует его деятельность в данном направлении, т. е. прогноз влияет на поведение осужденного, делает это поведение, каждое отдельное его действие целенаправленным и конкретным.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
I. Возможность и практическая необходимость судебного прогнозирования	5
II. Признаки судебного прогнозирования	39
III. Особенности судебного прогнозирования	71
IV. Методы, способы и субъект судебного прогнозирования	92
V. Индивидуальное судебное прогнозирование	109

¹ См.: Аванесов Г. А. Теория и методология криминологического прогнозирования, с. 276.

² Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии активности. М., 1966.

Илһам Мәммәдһәсән оглу Рәһимов

МӘҢКӘМӘ ПРОГНОЗЛАШДЫРЫЛМАСЫ НЭЗЭРИЛЈӘСИ

Ильһам Мамедгасанович Рагимов

ТЕОРИЯ СУДЕБНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Редактор *С. Султанова*, художник *В. Черножуков*

Художественный редактор *Б. Хананьев*

Технический редактор *С. Ахмедов*

Корректоры *И. Вебер, И. Кадымова*

ИБ № 3891

Сдано в набор 03.03.87. Подписано к печати 07.05.87. ФГ 20981.
Формат 70×90^{1/32}. Бум. типографская № 2. Печать высокая.
Гарнитура литературная. Усл. п. л. 4,68. Усл. кр.-отт. 4,75.
Учетн.-изд. л. 4, 8. Тираж 4000. Заказ № 173. Цена 35 коп.

Государственный комитет Азербайджанской ССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

Азербайджанское ордена Дружбы народов
государственное издательство «Азернешр».

Баку — 370005, ул. Гуси Гаджиева, 4.

Типография им. 26 бакинских комиссаров.
Баку, ул. Али Байрамова, 3.